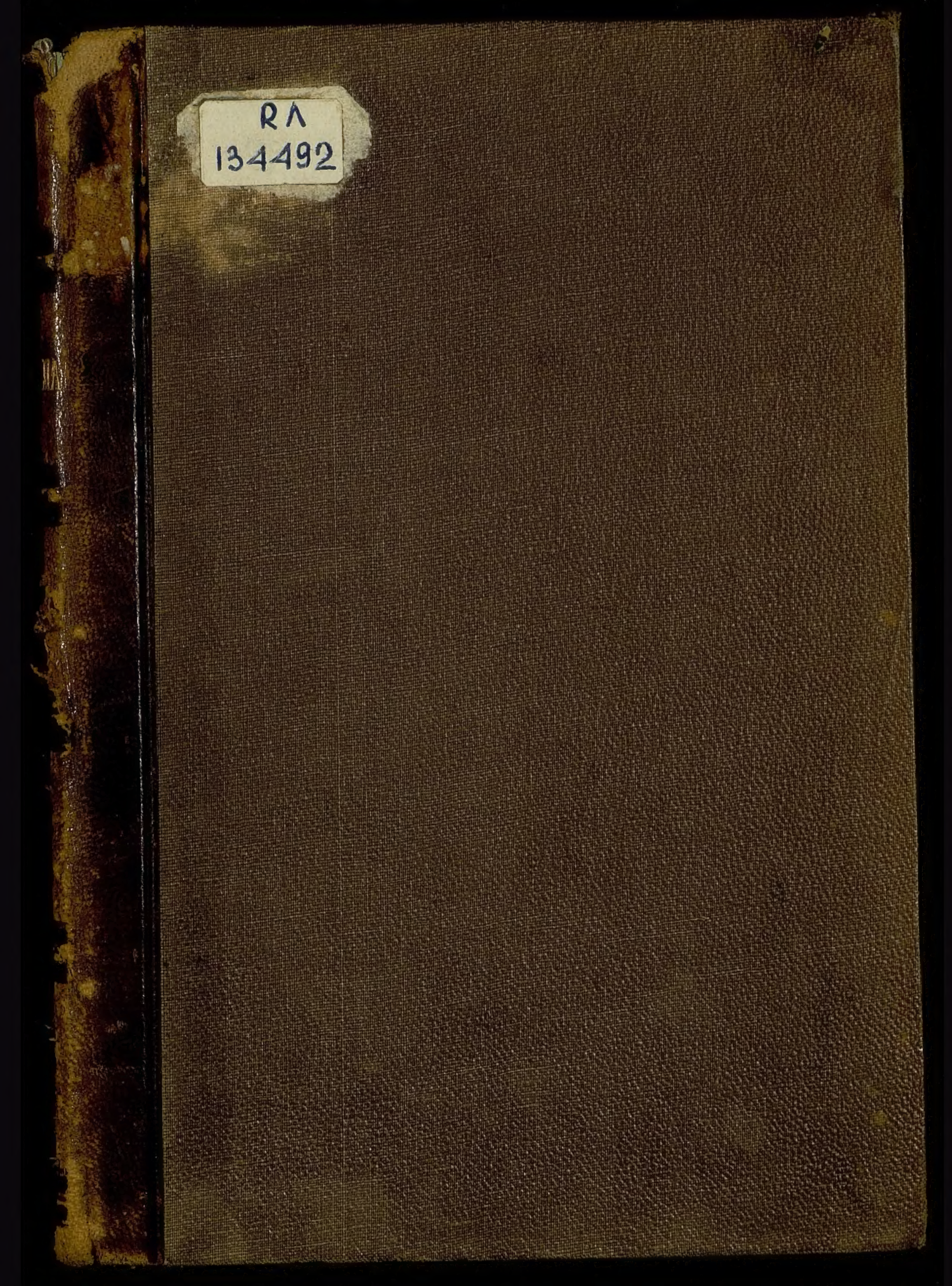

RA
134492

ы сѣвернаго умѣреннаго пояса. Стр.

гическій очеркъ бассейновъ Десны,
Лист. черт. 7. Спб. 1890. VI—1939.

чіе поверхностнаго покрова на тем-
верхнихъ слояхъ почвы. Стр. 92.

ъ краткаго сборника научныхъ
осква. 1900. VII—2944.

блюденія, произведенныя въ Кур-
Русс. Геогр. Общ. Стр. XV, 24.

кій курсъ петрографіи. Стр. IV,
зд. 2. Спб. 1904. VII—2905.

ченія землетрясеній Россіи. Вып.
б. 1899. VII—2947.

N 2962

IV-6-17

9(с)1
Тк
Д 36
КИЙР 1964

Леониду Алексеевичу Войкову от автора

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ

ПРАВИТЕЛЬ ТАМБОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА.

Саліасъ Е. графъ.

1871.

Дозволено цензурою 20 Января 1871 года.

36

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ

ПРАВИТЕЛЬ ТАМБОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА.

ТАМБОВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1871 года.

ГАВРІИЛЪ РОМАНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ

ПРАВИТЕЛЬ ТАМБОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА (*).

(съ 15 декабря 1785 до 18 декабря 1788 года)

Указомъ Правительствующему Сенату, отъ 15 декабря 1785 года Олонецкій губернаторъ Державинъ назначенъ губернаторомъ въ Тамбовъ и въ архивномъ дѣлѣ отъ 4 марта 1786 года находимъ слѣдующую бумагу:

„Отъ дѣйствительнаго статстаго совѣтника и правителя Тамбовскаго намѣстничества.

Тамбовскому намѣстническому Правленію Предложеніе.

Имяннымъ Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, съ 15 декабря 1785 года, опредѣленъ я въ здѣшнее намѣстничество правителемъ, во исполненіе чего прибывъ въ порученной мнѣ должности Намѣстническому Правленію предлагаю о вступленіи моемъ въ должность Правительствующе-

(*) Къ составленію этаго очерка служили источниками:

1) *Дѣла архива Тамбовскаго Губернскаго Правленія* за 1785, 1786, 1787 и 1788 года.

2) *Дѣла архива Тамбовской Губернской Земской Управы*, по части бывшаго *Приказа Общественнаго Призрѣнія* также за года 1785—1788 включительно.

3) *Сочиненія Державина* съ объяснительными примѣчаньями г. Грота Томы 1-й, 3-й, 4-й и преимущественно 5-й. Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

4) *Записки Гавріила Романовича Державина*, съ литературными и историческими примѣчаньями П. И. Бартенева. Изданіе Русской Бесѣды. 1860.

му Сенату отрапортовать, въ палаты сообщить, въ совѣстный судъ предложить, подчиненнымъ мѣстамъ предписать указами, а Его Высокопревосходительство правящаго должность Тамбовскаго и Рязанскаго Генералъ Губернатора господина генералъ-поручика и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Васильевича увѣдомить имѣю отъ себя. Подлинное подписано тако: Гаврила Державинъ."

5-го Марта Державинъ вступилъ въ управленіе губерніей, или какъ говорилось тогда, Тамбовскимъ Намѣстничествомъ.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ объ его предъидущей службѣ.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ родился 3-го Іюля 1743 года въ Казани, отецъ его полковникъ въ отставкѣ, происходилъ изъ дворянской фамиліи, родоначальникъ которой Багримъ Мурза выѣхалъ изъ Золотой орды на службу къ Великому Князю Василію Темному. Его мать была урожденная Козлова. Сначала Державинъ учился въ Казанской гимназіи, затѣмъ былъ записанъ въ инженерную службу и вскорѣже въ 1762 году отправленъ былъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ лейбъ гвардіи Преображенскій полкъ сержантомъ. Въ 1773 году подъ начальствомъ Генералъ-Аншефа Бибикова, онъ участвовалъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта и за отличіе пожалованъ въ Капитанъ Поручики Бомбардирской роты, переименованъ въ Коллежскіе Совѣтники и перейдя такимъ образомъ въ гражданскую службу, былъ въ 1777 году назначенъ экзекуторомъ 1-го Департамента Сената, въ 1780 году совѣтникомъ Экспедиціи о государственныхъ доходахъ, а въ 1784 году назначенъ Олонецкимъ губернаторомъ, но не пробывши тамъ и году вслѣдствіе разныхъ ссоръ и непріятностей съ Тутолминымъ, генералъ губернаторомъ Олонецкимъ и Архангельскимъ — былъ въ Декабрѣ 1785 года переведенъ въ Тамбовъ. Здѣсь, какъ мы увидимъ, Державина ожидало тоже самое; ровно

чрезъ три года и три дня послѣ его назначенія, въ Декабрѣ 1788 года онъ былъ отрѣшенъ отъ должности по причинѣ ссоры съ Гудовичемъ, генералъ губернаторомъ Тамбовскимъ и Рязанскимъ.

Такимъ образомъ собственно пребываніе его въ Тамбовѣ было еще менѣе, съ 4 Марта 1786 года до первыхъ чиселъ Января 1789 года т. е. около трехъ лѣтъ.

Державинъ ѣхалъ отъ Москвы до Тамбова 8 дней, дорога была такъ дурна что онъ не могъ дѣлать болѣе 50 верстъ въ сутки. Первыя впѣчатленья его по пріѣздѣ Тамбовъ были пріятны. Онъ неоднократно съ удовольствіемъ отзывается въ своихъ письмахъ о городѣ и объ мѣстномъ обществѣ и даже объ своихъ сослуживцахъ, съ которыми сначала очень поладилъ.

Чрезъ день по пріѣздѣ пишетъ онъ въ Казань вице-губернатору Васильеву слѣдующее:

"При первомъ случаѣ счастливымъ себя почитаю, что встрѣченъ отъ всѣхъ ласково, а паче что примѣчаю въ предложеніяхъ своего генералъ губернатора единственно тѣ требованія которыя относятся точно къ его должности, умѣренность въ изъясненіяхъ, предоставленіе должной власти намѣстническому правленію; то по сіе время не имѣю даже въ виду чтобы могло послужить къ моему огорченію„ и т. д.

За тѣмъ 11 марта Державинъ пишетъ въ Петрозаводскъ Свистунову, совѣтнику Олонецкаго губернскаго правленія: "Я столь доволенъ здѣшнимъ мѣстомъ, что описывать вамъ подробно почитаю за излишнее. Имѣемъ здѣсь тысящу выгодъ предъ Петрозаводскомъ, домъ изрядный, общество хорошее, подчиненныхъ всякаго рода довольно; была бы охота, есть съ кѣмъ работать, а паче всего—не знаю, что впередъ будетъ -- господствуетъ у насъ единодушіе. Хотя не спознакомился я еще хорошо съ Иваномъ Васильевичемъ, видя его въ Петербургѣ весьма коротко; но бумаги его для

меня нравятся потому что вездѣ ссылается на законы и ихъ однихъ беретъ за основаніе, то чего же мнѣ по моему нраву лучше" и т. д.

Нѣсколько позже онъ пишетъ графу Воронцову объ Гудовичѣ:

„Былъ у насъ Иванъ Васильевичъ и пробылъ недѣлю. Будучи предшествуемъ благодѣяньями, которыя онъ многимъ исходатайствованіемъ чиновъ сдѣлалъ и ко мнѣ признательными по дѣламъ отношеніями, онъ встрѣченъ былъ здѣсь съ нелицемѣрною отъ всѣхъ радостію; кроткое его, простое и снисходительное со всѣми обращеніе, образъ мыслей благородныхъ и поступки, на истинныхъ правилахъ чести основанные, усугубили къ нему внутреннымъ всѣхъ благорасположеніемъ, то почтеніе которое по наружности начальникамъ отдается... Весьма онъ счастливъ и мы всѣ, ежели возможемъ удержать навсегда таковыя между насъ расположенія и спокойную жизнь, отчего и служба конечно будетъ имѣть свои успѣхи.„

Говоря это Державинъ или ошибался или увлекался— потому что не прошло и двухъ лѣтъ какъ все перемѣнилось. Отношенія его съ генералъ губернаторомъ стали портится, отчасти по его собственной винѣ, отчасти по винѣ самаго Гудовича. Во всякомъ случаѣ когда Державинъ выѣзжалъ изъ Тамбова, то Гудовичъ былъ для него и остался въ послѣдствіи его злѣйшимъ, непримиримымъ врагомъ.

Впрочемъ какъ увлекался Державинъ восхищаясь Гудовичемъ и описывая его яркими красками по пріѣздѣ своемъ въ Тамбовъ, также увлекался онъ и преувеличивалъ недостатки своего начальника послѣ своей ссоры съ нимъ. Впослѣдствіи, въ запискахъ о жизни своей, Державинъ говоритъ объ Гудовичѣ, что онъ былъ „человѣкъ слабый, или попросту сказать, дуракъ, набитый барскою пышностію" и что въ дѣлахъ службы онъ ничего непонималъ. Между тѣмъ

видно что генералъ губернаторъ, добрый и пустой человѣкъ, занимавшійся исключительно охотой у себя въ Рязани мало входилъ въ Тамбовскія дѣла и во всякомъ случаѣ не заслуживалъ ни большихъ похвалъ, ни особеннаго порицанія. Такъ или иначе, но въ исходѣ 1787 года начались недоразуменья, столкновенья и ссоры, которыя привели Державина къ полному разрыву какъ съ Гудовичемъ, такъ и съ другими сослуживцами.

Дѣятельность Державина какъ правителя губерніи, его административныя распоряженія и его дѣятельность для просвѣщенія края, для образованія и увеселенія общества, такъ тѣсно связаны между собой, въ немъ - Намѣстникъ, умный и образованный членъ общества и радушный человѣкъ хозяинъ такъ слились вмѣстѣ, что трудно говорить объ немъ рѣзко разграничивая и отдѣляя чисто административную дѣятельность отъ предпріятій и затѣй частнаго человѣка, веселящаго общество. Державинъ въ одно время занятъ, напримѣръ, улучшеніемъ порядка веденія дѣлъ въ намѣстническомъ правленіи и празднествомъ у себя на дому, и самыя эти представленія въ лицахъ имъ сочиненныя имѣютъ какой то полуофиціальнй характеръ. Онъ выписываетъ изъ Москвы съ одинаковой заботливостію и собраніе указовъ, и канцелярскихъ служителей для губернскаго правленія, и балетмейстеровъ, машинистовъ для театра, и архитектора для постройки тюремнаго замка и кирпичнаго завода. Тогдашнія патріархальныя времена въ особенности способствуютъ къ тому, чтобы слить въ немъ офиціальное лицо намѣстника съ частнымъ человѣкомъ. Отсюда очень трудно говорить объ губернаторѣ не касаясь мелочей его частной интимной жизни, какъ, напримѣръ, его ссоръ съ нѣкоторыми мѣстными жителями.

Итакъ слѣдуя отчасти хронологическому порядку мы передадимъ по очереди всѣ крупныя и мелкія, важныя и маловажныя, событія и случаи за трехлѣтнее пребываніе Державина въ Тамбовѣ.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ своего вступленія въ должность, Державинъ присмотрѣвшись къ дѣламъ, пишетъ Гудовичу что такъ какъ онъ не послѣдователь обще принятаго обычая жаловаться на своего предмѣстника, то онъ воздержался бы отъ порицанія дѣйствій генералъ маіора Макарова (*) если бы не былъ чрезъ чуръ пораженъ безпорядкомъ, царствующимъ во всѣхъ отрасляхъ управленія „Какую справедливость спрашивать, (говоритъ онъ въ другомъ письмѣ), когда все основывалось на *какъ нибудь*". Такъ напримѣръ, недоимка по губерніи наросла за нѣсколько лѣтъ страшная и объ этомъ предупреждали Державина еще въ Петербургѣ при его назначеніи, и это было первое дѣло, на которое онъ обратилъ особое вниманіе и въ первое же время управленія своего получилъ благодарность отъ Гудовича „за нѣкоторый успѣхъ въ сборѣ недоимки". За тѣмъ полный безпорядокъ го ведѣніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ; медленность, пристрастіе, взяточничество; нѣкоторыя дѣла были заброшены, запутаны, другія окончательно изчезли безъ слѣда, въ канцелярскихъ служителяхъ ощущался сильный недостатокъ, а тѣ которые и были на лицо занимались по выраженію Державина „тою игрою, которая называется пьянствомъ" такъ что не на кого даже было положится и вполнѣ довѣрится. Начальники сами подавали плохой примѣръ, такъ, совѣтникъ одной изъ палатъ, нѣкто Бѣльскій, пользовался даже нѣкотораго рода извѣстностью какъ отъявленный мошенникъ; былъ за что то судимъ, приговоренъ къ каторгѣ, затѣмъ попалъ подъ одинъ изъ милостивыхъ манифестовъ и хотя и велѣно не опредѣлять его впредь ни къ какимъ мѣстамъ, по тѣмъ не менѣе онъ служилъ совѣтникомъ и открыто дѣлалъ всякаго рода беззаконія. Будучи однажды посланъ въ г. Козловъ онъ открыто сдѣлалъ себѣ денежный сборъ будто бы по приказанію Генералъ Губернатора и на его имя. Прогнать его не могли вѣроятно по-

---

(*) Тамбовскій губернаторъ до Державина.

тому что, онъ пользовался протекціей княгини Вяземской, А. И. Васильева (впослѣдствіи министра финансовъ) и Л. А. Нарышкина. Всѣ они просятъ Державина протежировать Бѣльскаго, вслѣдствіе чего Державинъ не рѣшился его исключить изъ службы, а ограничивался простыми выговорами и пристращиваніемъ. Въ виду подобныхъ совѣтниковъ, нечего было и требовать отъ низшихъ.

Губернскій городъ былъ также въ жалкомъ положеніи; присутственныя мѣста разваливались безъ ремонта, частныя зданія строились какъ попало, неруководствуясь никакими планами, безъ помощи архитекторовъ, которыхъ de facto и не полагалось. Нѣкоторыя части города были въ совершенномъ запустѣніи. Многія усадебныя мѣста въ городѣ были противузаконно захвачены; на другія дѣйствительно принадлежащія по праву, неимѣлось у владѣльцевъ никакихъ документовъ. Но можно ли было требовать отъ хозяина дома, приведеніе въ извѣстность границъ его усадебнаго мѣста, когда границы Тамбовской и смѣжныхъ съ нею губерній были совершенно не опредѣлены и не извѣстны никому; число душъ въ губерніи итого менѣе. Въ томъ и другомъ была такая путаница, что съ нѣкоторыхъ пограничныхъ селеній сбиралась подать и брались рекруты вдвойнѣ, двумя разными губ. правленьями, другія же селенья на оборотъ по той же причинѣ ускользали вполнѣ и отъ платежа повинностей и отъ поставки рекрутъ.

Производство уголовныхъ дѣлъ также тянулось безконечно, отчасти отъ того что именно въ уголовной палатѣ и процвѣталъ г. Бѣльскій, который по словамъ Державина „медлитъ, не подписываетъ дѣлъ и не отзывается никакимъ голосомъ“. Державинъ съ особой ревностью сталъ понуждать его къ скорѣйшему рѣшенію и пропуску дѣлъ, тѣмъ болѣе что всѣ безъ исключенія находившіеся подъ судомъ, не взирая ни на родъ преступленія, ни на степень его, содержались одинаково въ тюрьмѣ. На поруки не выпускали

почти никого, ибо оно было затруднительно для администрацiи тѣхъ временъ.

Между тѣмъ, что такое была Тамбовская тюрьма видно изъ письма Державина къ Гудовичу. „Нетолько въ кроткое и человѣколюбивое нынѣшнее, но и въ самое жестокое правленiе, кажется, могла ли бы когда прiуготовляться казнь, равная ихъ (колодниковъ) содержанiю за ихъ преступленiе, выведенная изъ законовъ нашихъ. Болѣе 150 человѣкъ, а бываетъ, какъ сказываютъ, не рѣдко и до 200, повержены и заперты безъ различiя вины, пола и состоянiя въ смердящiя и опустившiяся въ землю безъ свѣта, безъ печей, избы, или лучше сказать скверные хлѣвы. Нары подмощенныя отъ потолка не болѣе $^3/_4$ разстоянiемъ, помѣщаютъ все число узниковъ, слѣдовательно согрѣваетъ ихъ одна только тѣснота а освѣщаетъ между собой одно осязанiе, изъ сей пары едва, едва видны ихъ полумертвыя лица и высунутыя головы, произносящiя жалобный стонъ, сопровождаемый звуками оковъ и цѣпей“ и. т. д.

Если въ присутственныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ уголовной палатѣ пропадали цѣлыя дѣла, то объ порядкѣ въ дѣлахъ, объ отчетности въ веденiи дѣлъ и говорить нечего. Это являлось уже неудобной и не выполнимой роскошью. Отчетная часть была въ жалкомъ положенiи.

Такъ между прочимъ въ Приказѣ съ самаго его учрежденiя не велись надлежащiе счеты и денежныя приходо расходныя книги не посылались на ревизiю въ казенную палату. Державинъ особеннымъ предписанiемъ приказалъ прислать къ нему всѣ имѣющiеся въ Приказѣ общественнаго призрѣнiя денежные документы, дабы изъ нихъ составить по его выраженiю „вѣрное о приходѣ и расходѣ свѣдѣнiе“. Въ послѣдствiи онъ продолжалъ обращать особое вниманiе не счетную часть. Такъ, въ октябрѣ 1787 года, онъ поручилъ секретарю Приказа провѣрить всѣ денежныя книги. По провѣркѣ оказалось что въ этихъ книгахъ (которыя были только что заведены) нашлись большiя неисправности,

быть можетъ даже отчасти отъ не умѣнья вести ихъ. Такъ, остатокъ отъ 1736 года не былъ показанъ, а съ 26 іюля, поступившія суммы дохода вовсе не записывались, а ихъ однако по приведеніи въ извѣстность по документамъ, оказалось болѣе 35,000 Книги по займамъ найдены въ порядкѣ, но за то въ наличности найденъ недостатокъ. Съ этой самой ревизіи введенъ былъ порядокъ свидѣтельства суммъ— ежемѣсячно, причемъ указывалось сколько состоитъ въ наличности какъ въ ассигнаціяхъ, такъ и мѣдною монетою; въ числѣ послѣднихъ считались по видимому и серебряныя деньги.

Впослѣдствіи Державинъ дѣлалъ частыя ревизіи суммъ, неуклонно требовалъ отсылки суммъ въ казенную палату, настаивалъ на правильномъ и точномъ размѣщеніи ихъ и старался энергически уничтожать многія злоупотребленья по денежной части въ разныхъ губернскихъ учрежденьяхъ. Этимъ именно требованіемъ всего болѣе и вооружилъ онъ противъ себя Тамбовское чиновничество, не привыкшее къ контролю правителей, бывшихъ до Державина. Онъ былъ для нихъ, по выраженію нашихъ временъ, человѣкъ *безпокойный* и начальникъ *формалистъ*.

Приказъ общественнаго призрѣнія и всѣ учрежденія зависящія отъ него, были также въ самомъ жалкомъ положеніи по недостатку средствъ. Въ смирительный домъ, находившійся за городомъ, часто не было никакого проѣзду. Недостатокъ камня, отсутствіе кирпичныхъ заводовъ въ мѣстности, привели къ такой дороговизнѣ на строительный матеріалъ, что не было возможности удовлетворить всѣмъ нуждамъ. Присутственные мѣста валились не ремонтируемыя Дороговизна кирпича по тогдашнему времени (а именно 5 руб. за тысячу) привела къ тому что даже печи въ казенныхъ зданіяхъ, равно и въ частныхъ домахъ были въ ужасномъ положеніи.

Въ нѣкоторыхъ казенныхъ зданіяхъ иногда даже не топили въ однихъ отъ дурнаго состоянія печей, въ другихъ просто за неимѣніемъ дровъ, которые должны были быть поставляемы однодворцами, жителями стрѣлецкой слободы. Тамбовъ былъ окруженъ лѣсомъ, но доставка была трудна. Въ такомъ положеніи былъ, напримѣръ, лазаретъ. Больные мерзли отъ холоду.

Вопросъ объ кирпичныхъ заводахъ былъ поднятъ еще до пріѣзда Державина вице-губернаторомъ Ушаковымъ, но нисколько не подвигался ни на шагъ; разрѣшить его было дѣйствительно трудно. Зданія валятся, въ строительномъ лѣсѣ недостатокъ и потому нуженъ кирпичъ, въ немъ тоже недостатокъ. Выстроить заводъ нельзя потому что нѣтъ лѣсу, а еслибы и былъ онъ, то обжигать кирпичъ тоже нельзя, ибо нѣтъ нужнаго количества дровъ. Дѣло о кирпичѣ длилось долго. Державинъ сталъ прежде всего отыскивать хорошаго кирпичнаго мастера, въ предѣлахъ губерніи такого не оказалось и мастеръ былъ найденъ въ г. Костромѣ. Вскорѣ онъ оказался негоднымъ и нашли другого въ г. Усмани. Началась выдѣлка, но далеко не ровнялась сильному запросу на кирпичъ.

Тогда Державинъ задался вопросомъ нѣтъли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи камня и вскорѣ оказалось что у помѣщика Лунина существуетъ каменоломня. Державинъ обратился къ нему съ предложеніемъ взять на себя подрядъ для губернскаго города, но Лунинъ не имѣя достаточно рабочихъ и узнавъ что къ нему въ имѣніе пришлютъ постоемъ на работы партію колодниковъ, отказался на отрѣзъ отъ такихъ гостей. Между нимъ и Державинымъ есть переписка объ каменоломной машинѣ, объ которой писалъ Лунинъ, желая ею вѣроятно замѣнить колодниковъ. Но тѣмъ только дѣло и кончилось. Послѣ этого Державинъ обратился затѣмъ же, въ имѣніе Льва Нарышкина. Управитель отвѣчалъ, что въ имѣніи цѣлая каменная гора, что

изъ нее сосѣднее народонаселеніе пользуется камнемъ даромъ, и что Нарышкинъ будетъ очень благодаренъ если такимъ способомъ очистится его дача. Но едва только было приступлено къ ломкѣ камня, какъ Державинъ получилъ письмо отъ самаго Нарышкина, который жаловался на самовольное распоряженіе губернатора въ его имѣніи. Тогда Державинъ объяснилъ ему ошибку управителя и предложилъ ломать камень съ уплатою за кубическую сажень такой цѣны которую назначитъ самъ владѣлецъ. Чѣмъ кончилось, согласился ли Нарышкинъ на продажу или отказалъ вполнѣ, неизвѣстно.

Между тѣмъ нашлись подрядчики кирпича. Лѣтомъ явился въ намѣстническое правленіе купецъ Матвѣй Бородинъ и заявилъ что имѣетъ готоваго кирпича въ разныхъ складахъ, въ Тамбовѣ и близъ г. Лебедяни, одинъ милліонъ, сто сорокъ тысячъ, пять сотъ кирпичей и предложилъ представить ихъ съ первымъ зимнимъ путемъ. Гудовичъ и Державинъ удивились и обрадовались предложенію. Намѣстническое правленіе назначило ассесора *строенной* (т. е. строительной) экспедиціи и губернскаго архитектора, чтобы освидѣтельствовать качество и количество кирпича. Оба заявили что дѣйствительно кирпичу найдено 1,140,500, и что онъ лучшей выжиги. Бородинъ получилъ немедленно изъ намѣстническаго правленія 3,400 руб. Державинъ списался съ Гудовичемъ и рѣшено было употребить кирпичъ на обжигательныя печи и заняться ихъ постройкой на слѣдующее лѣто. Зима прошла, но кирпичъ не былъ доставленъ на мѣсто, а весной оказалось по наряженному слѣдствію что кирпича у Бородина только около 565,000, изъ которыхъ около 136,000 имъ куплены у другихъ заводчиковъ, но еще не заплачены; такимъ образомъ правленіе можетъ получить только около 400,000, изъ нихъ же четверть если не половина, никуда негодятся. Правленію было предложено сыскать и купить кирпичъ на счетъ Бородина, но кир-

пича не нашлось ни за какія деньги. Такимъ образомъ хлопаты Державина окончились слѣдствіемъ и судомъ надъ подрядчикомъ, ассесоромъ и архитекторомъ, но не привели къ желанному результату, постройка обжигательныхъ печей снова остановилась.

Вопросъ этотъ однако разрѣшился впослѣдствіи окончательно. (Въ августѣ мѣсяцѣ 787 года было выстроено девять кирпичныхъ сараевъ и двѣ обжигательныя печи) и кирпичъ продавался въ частныя руки въ Тамбовѣ по 3 руб. за тысячу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, одною изъ первыхъ принятыхъ мѣръ губернатора было исправленіе острога. Предположивъ современемъ постройку каменнаго острога, Державинъ приступилъ къ улучшенію помѣщенія преступниковъ. Нашлись кой какія ветхія деревянныя зданія, принадлежащія приказу общественнаго призрѣнія, а также пустая изба при домѣ князя Борятинскаго. Ихъ сломали, перевезли и увеличили зданіе тюремнаго замка. Затѣмъ приступлено было къ сортированію заключенныхъ. Нѣкоторыхъ за окончаніемъ дѣлъ передали для отправленія по этапу. Другихъ, разобравъ ихъ вины или родъ преступленій и проступковъ, выпустили подъ росписки или на поруки. Оставшихся размѣстили просторнѣе и удобнѣе, раздѣливъ нетолько по роду вины ихъ, но даже по поламъ и возрастамъ, что было здѣсь нововведеніемъ. Къ отъѣзду Державина изъ Тамбова существовалъ уже настоящій тюремный замокъ съ кухней и лазаретомъ, содержавшійся чисто и опрятно—что было въ тѣ времена диковинкой.

На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Тамбовѣ Державинъ сталъ заботиться о воспитаніи и образованіи дѣтей мѣстнаго дворянства.

Несмотря на то, что онъ сначала хвалитъ въ письмахъ своихъ общество и городъ—въ запискахъ о жизни его

(писанныхъ подъ его диктовку), а равно и въ объясненьяхъ къ своимъ сочиненіямъ онъ говоритъ слѣдующее: „Они (т. е. праздники въ его домѣ) не только служили къ одному увеселенію, но и къ образованію общества, а особливо дворянства, которое можно сказать, такъ было грубо и необходительно, что ни одѣться, ни войти, ни обращенія, какъ должно благородному человѣку не умѣли или рѣдкіе изъ нихъ которые жили только въ столицахъ".

Въ скорѣ послѣ пріѣзда, у губернатора въ домѣ помимо баловъ, вечеровъ и концертовъ которые бывали еженедѣльно, были заведены ежедневно классы для дѣтей и для молодежи. Сюда являлись и учителя и ученики. Дворянство считавшее стыдомъ посылать дѣтей, а особенно дѣвочекъ, въ школу или на домъ къ учителямъ и не имѣвшее возможности (или лучше сказать не желавшее) брать ихъ на домъ—съ удовольствіемъ посылали дѣтей въ губернаторскій классъ. Всякій день преподавалась граматика, арифметика, геометрія и другія науки. Кромѣ того два раза въ недѣлю собиралась молодежъ обоего пола на уроки танцованія. Во все это самъ Державинъ по видимому не входилъ, и предполагалось что всѣмъ завѣдывала жена его, но въ дѣйствительности она завѣдывала всѣмъ подъ его руководствомъ. Въ противномъ случаѣ современное общество непремипуло-бы упрекнуть намѣстника что вмѣсто управленія краемъ онъ занятъ *пустяками*.

Вотъ какъ разсказываетъ самъ Державинъ, въ объясненьяхъ къ своимъ сочиненіямъ, объ тогдашнемъ тамбовскомъ обществѣ и о томъ что было имъ сдѣлано для этого общества:

„...Которое тогда никакой людскости и обращенія, свойственнаго благороднымъ людямъ не имѣло; для чего авторъ будучи губернаторомъ, и сдѣлалъ у себя въ домѣ: первое, небольшой театръ, на которомъ благородные юноши и дѣ-

вицы представляли разныя правоучительныя драмы и комедіи, второе, открылъ танцовальное собраніе одинъ разъ въ недѣлю, для чего выписалъ танцмейстеръ съ дочерью, у которыхъ обучалось дворянство, платя за билетъ по пятидесяти коп. потому что танцовали вдругъ 20 паръ, съ которыхъ получалъ танцмейстеръ въ одинъ день 20 руб. имѣя квартиру и столъ губернаторскій, а иначе онъ небралъ какъ по 2 руб. за билетъ (*); третье, одинъ разъ въ недѣлю собирались дѣти для ученія грамматики и первыхъ частей арифметики, для чего приглашенъ былъ изъ народнаго училища учитель, который также получалъ умѣренную съ каждой особы плату, а вообще отъ всего собранія весьма достаточную; четвертое, также два раза въ недѣлю были концерты и простыя собранія; всѣмъ симъ занималась жена губернатора, одѣвала дѣтей и учила ихъ, а губернаторъ симъ не занимался, отправляя вседневную свою должность а былъ приглашаемъ по билетамъ, какъ и прочіе. Сіе всѣмъ было извѣстно, каковымъ общество дворянское нашелъ авторъ и каковымъ его оставилъ".

Помимо этихъ классовъ Державинъ хлопоталъ объ открытіи пансіона для дворянскихъ недорослей. Чрезъ мѣсяцъ послѣ его прибытія онъ пишетъ Гудовичу, что нѣкто Саксонскій подданный Жанъ-Жоржъ Іанъ (т. е. Янъ) намѣревается открыть пансіонъ, но что онъ незнаетъ насколько этотъ Іанъ вѣрный человѣкъ и до разрѣшенія пансіона соберетъ прежде объ немъ справки. Въ подлинникѣ письма къ Гудовичу есть слѣдующая собственно ручная приписка Державина, которую вполнѣ разобрать къ несчастію невозможно.

„До прибытія моего еще въ Тамбовъ означенный иностранецъ... (*подалъ*) просьбу о дозволеніи ему установить пансіонъ или школу для наученія благороднаго юношества ино-

---

(*) Все, по тогдашнему счету—на ассигнаціи.

страннымъ языкамъ французскому и нѣмецкому, географіи арифметикѣ, математикѣ, геометріи, фортификаціи, иллюминовать и чертить, а также рисовать, тушевать, и малевать"... (*)

Далѣе изъ нѣсколькихъ разборчивыхъ словъ видно что Державинъ почему то хочетъ отказать ему. Дѣйствительно изъ письма его къ помѣщику Жихареву, уже въ августѣ мѣсяцѣ, оказывается, что онъ не дозволилъ Яну открыть пансіонъ за неимѣніемъ аттестата.

„Нынѣ же (пишетъ онъ Жихареву) пріѣхалъ сюда Даппло Геслингъ, который знаетъ нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, арифметику, а также и россійскій языкъ и имѣетъ не точію отъ здѣшняго университа (**) аттестатъ, но и отъ Голштинскаго "

Къ этому Геслингу Державинъ совѣтывалъ Жихареву отдать своего сына прибавляя что Геслингъ полагаетъ имѣть не болѣе 10 учениковъ съ платою по 6 руб. съ каждаго. Геслингъ этотъ находился въ Воронежѣ и такъ какъ домъ, назначавшійся ему въ Тамбовѣ, не былъ оконченъ то Державинъ просилъ его подождать немного пріѣздомъ. Жихаревъ получилъ письмо Державина въ Козловѣ чрезъ городничаго только въ концѣ октября, отвѣчалъ что согласенъ и посылаетъ старшаго сына, желая чтобы Геслингъ взялъ его къ себѣ на квартиру съ содержаніемъ за какую цѣну онъ пожелаетъ. Впрочемъ пансіонъ Геслинга существовалъ не долго и при выѣздѣ Державина изъ Тамбова, мы находимъ свѣдѣніе что „пансіоновъ въ городѣ Тамбовѣ не имѣется."

Особенно хлопоталъ также Державинъ объ составѣ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей въ средѣ которыхъ

(*) *Малевать:* значило рисовать масляными красками.

(**) т. е. русскаго. Въ то время существовалъ одинъ московскій университетъ.

лѣнь, пьянство и лихоимство не только замѣдляло, но даже извращало производство дѣлъ. Вышеупомянутый подрядъ кирпича Бородинымъ уже показываетъ достаточно, до какой дерзости въ обманѣ доходили высшія должностныя лица палатъ и правленія. Когда ассесоръ *строенной экспедиціи* (т. е. нынѣшняго строительнаго отдѣленія) и губернскій архитекторъ рѣшались принять офиціально половину подряженнаго кирпича вмѣсто полнаго количества, объявляя его въ лучшемъ видѣ, тогда какъ только часть (этой половины дѣйствительно существующаго кирпича) годна въ употребленіе — то ясно, что мелкіе чиновники считали не только справедливымъ слѣдовать примѣру старшихъ, но даже щеголяли и хвастались другъ предъ другомъ своими познаньями и своей ловкостью въ наукѣ лихоимства и плутовства.

Не найдя порядочныхъ и дѣльныхъ канцеляристовъ около себя, Державинъ сталъ выписывать ихъ изъ другихъ мѣстъ и между прочимъ завелъ переписку объ этомъ съ родственникомъ своимъ Арсеньевымъ.

„Въ бытность мою въ Москвѣ (пишетъ онъ) проговаривали вы, что отъ уничтоженія вотчинной коллегіи... остались изрядные юриспруденты, а какъ здѣсь въ Тамбовѣ въ оныхъ весьма настоитъ надобность, то неможно ли вамъ взять трудъ на себя оныхъ человѣка 4 знающихъ, къ тому жъ чтобы и поведенія порядочнаго, а больше всего чтобъ не были заняты тою игрою, которая называется пьянствомъ и которая кажется хуже всякаго порока, яко отдаляющая нужное и важное довѣріе по должности — приказать пріискать... не можете ли, батюшка, человѣка два, три хорошенькихъ секретарей и нѣсколько также получше пріискать копеистовъ, и меня увѣдомить; я бы имъ далъ тотчасъ сколько можно мѣста повыгоднѣе. Здѣсь крайняя въ сихъ людяхъ нужда...“

Въ тоже время Державинъ говоритъ объ недостаткѣ въ книгахъ законовъ, проситъ купить и выслать нѣсколько экземпляровъ собранія законовъ.

„Неможно ли приказать у васъ въ Москвѣ приискать купить печатныхъ или и списанныхъ но вѣрныхъ законовъ“.

Оказывается что присутственныя мѣста и въ этомъ терпѣли нужду. Такъ какъ въ это же время стараньемъ Державина только что окончились нѣсколько дѣлъ и тяжбъ, то въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ процессъ г. Кострицкаго съ однодворцами. Получивъ отъ Кострицкаго благодарственное письмо, Державинъ воспользовался случаемъ чтобы просить и его объ этой нуждѣ. Говоря объ томъ, что „въ Тамбовской губерніи великій недостатокъ въ законахъ“, Державинъ замѣчаетъ что *„безъизвѣстно, были ли они когда здѣсь въ употребленіи“*. Особенно проситъ онъ прислать, хоть списанное, собраніе узаконеній съ 1765 года по 1766.

Въ августѣ Державинъ получилъ отъ Арсеньева двѣ книги: *Регламентъ Адмиралтейскій и Полковничью Инструкцію.* Болѣе ничего не нашлось въ продажѣ, да и надежды не было со временемъ пріобрѣсти, ибо объ новомъ изданіи не было и рѣчи. За то канцелярскіе служители нашлись и Державинъ скоро получилъ нѣсколько прошеній. Вообще охотниковъ ѣхать на службу въ Тамбовъ оказалось довольно, но (такъ какъ вѣроятно въ подобномъ народѣ былъ вездѣ недостатокъ) они просили чтобы имъ обѣщали напередъ выгодныя мѣста, обѣщали бы помѣстить на первыя открывшіяся вакансіи и наконецъ, чтобы прислали деньги впередъ, на проѣздъ изъ Москвы до Тамбова.

Державинъ былъ очень обрадованъ, но просилъ Арсеньева удостовѣриться „о ихъ способностяхъ и искуствѣ, дабы не набрать здѣшнимъ подобныхъ“. Впрочемъ онъ заявилъ заранѣе, что они могутъ быть приняты не иначе какъ въ столоначальники или въ помощники столоначаль-

никовъ, съ жалованьемъ по тогдашнему довольно выгоднымъ, первымъ 180 руб. въ годъ, а вторымъ 1‵0 руб. Въ тоже время Державинъ обѣщалъ имъ, въ виду недостатка въ хорошихъ чиновникахъ перевести лучшихъ на должности секретарей [1] и во всякомъ случаѣ обѣщалъ впередъ *производеніе* въ чины прежде года. Деньги послать на проѣздъ онъ съ удовольствіемъ согласился. Очевидно онъ сильно надѣялся что эти пріѣзжіе чиновники послужатъ хорошимъ примѣромъ для мѣстныхъ.

„Надобно, пишетъ онъ къ Арсеньеву, чтобы они (Московскіе) ихъ (Тамбовскихъ) постыдили какъ поведеніемъ своимъ, такъ трудомъ и знаніемъ“.

Кромѣ того Державинъ много старался и хлопоталъ объ переводѣ въ Тамбовъ, на службу, нѣсколькихъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ и вообще любимыхъ ихъ личностей, однихъ изъ Петрозаводска, другихъ изъ Столицъ. Въ его перепискѣ видно, что онъ постоянно хлопоталъ объ этомъ и часто представлялъ на разсмотрѣніе и согласіе Генералъ-губернатора Гудовича, то того, то другаго. Такъ старался онъ перевести: Поспѣлова [2], Грибовскаго [3], Свистунова, Степанова [4], Савинскаго [5], Аверьянова [6] и другихъ.

Что касается до намѣстническаго правленія, то Державинъ предпринялъ въ немъ очень важную реформу. Ему первому принадлежитъ починъ, по крайней мѣрѣ въ Тамбовской губерніи, печатанія всякаго рода текущихъ бу-

---

1) т. е вѣроятно тутъ подразумѣваются дѣлопроизводители правленія.

2) Переводчикъ Тацита. Собирался въ Тамбовъ въ должность секретаря, потомъ почтмейстера, потомъ директора училищъ, но не пріѣхалъ.

3) Собирался быть директоромъ училищъ, по желанію Державина, но кн. Дашкова помѣшала этому, ибо ненавидѣла Грибовскаго.

4) Былъ переведенъ смотрителемъ приказа общественнаго призрѣнія.

5) Былъ переведенъ засѣдателемъ верхняго земскаго суда.

6) Занималъ не большое мѣсто, но будучи хорошимъ музыкантомъ—давалъ въ Тамбовѣ уроки, съ этой цѣлію Державинъ и перевелъ его изъ Петрозаводска.

магъ, нужныхъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. До него содержалась съ этой цѣлію пропасть копіисговъ, занятыхъ исключительно изготовленіемъ десятковъ и сотенъ одинаковыхъ экземпляровъ административныхъ предписаній и другихъ подобныхъ бумагъ.

Мысль печатанія ихъ очевидно принадлежитъ Державину, ибо намѣреваясь завести съ этой цѣлію типографскіе станки онъ еще не увѣренъ вполнѣ — будетъ ли эта мѣра лучше и выгоднѣе.

Лѣтомъ перваго же года своего управленія, онъ уже замѣтилъ медленность, происходящую въ производствѣ дѣлъ отъ лѣности и неисправности этихъ копіистовъ.

По этому поводу находимъ письмо къ князю Трубецкому, другу и сподвижнику знаменитаго Новикова, въ которомъ Державинъ спрашиваетъ его, не найдется ли у Новикова (одного изъ основателей Типографской Компаніи въ 1784 году) лишняго типографскаго станка и извѣстнаго количества литыхъ буквъ, для продажи, а также и мастеровъ, которые бы согласились пріѣхать въ Тамбовъ.

„По обширности здѣшней губерніи (пишетъ онъ) и по множеству текущихъ дѣлъ весьма много такихъ бумагъ, которые бы чрезъ типографію скорѣе теченіе свое имѣли; то ежели усмотрю я выгоду, что дешевле одинъ станъ нежели множество пустокормовъ подъячихъ содержать, я рѣшился бы единственно для канцелярскаго производства завесть здѣсь типографію“.

На это письмо отвѣчалъ самъ Новиковъ, но уже въ декабрѣ мѣсяцѣ и приложилъ къ письму своему списокъ посылаемыхъ книгъ напечатанныхъ и изданныхъ Типографской Компаніей, прося Державина найти въ Тамбовѣ охотниковъ на ихъ покупку. На вопросъ же объ типографскихъ

станкахъ, онъ отвѣчалъ какъ спеціалистъ: подробнымъ разсчетомъ, во что можетъ обойтись заведеніе и содержаніе типографіи.

Вскорѣ явилось изъ Москвы и все нужное для типографіи. Чрезъ годъ уже печаталась большая часть бумагъ по правленію, какъ-то публикаціи и предписанія. Кромѣ того были заведены и губернскія печатныя вѣдомости, гдѣ печатали объ *проѣзжихъ именитыхъ людяхъ*, о проходѣ команды, о цѣнѣ на хлѣбъ и на разные товары первой необходимости.

Но этимъ не ограничилась дѣятельность тамбовской типографіи. Появились мѣстныя изданія книгъ, переводчики и даже переводчицы. Такъ между прочимъ были напечатаны въ этой новой типографіи слѣдующіе переводы Е. К. Ниловой, друга и родственницы Державиныхъ.

Графъ Вальмонтъ или Заблужденіе разсудка, съ французскаго.

Приключенія Эдуарда Вальсона, съ нѣмецкаго.

Немного позже въ той же типографіи былъ напечатанъ романъ *Заблужденія отъ любви*, переведенный съ французскаго княгиней Голицыной, урожденной Энгельгардъ и жившей съ мужемъ въ своемъ имѣніи Зубриловкѣ, въ 150 верстахъ отъ Тамбова. Она была родная племянница князя Потемкина-Таврическаго. Голицыны были друзья Державиныхъ, которые часто ѣздили въ Зубриловку; когда Державинъ оставилъ Тамбовскую губернію, то жена его переѣхала къ Голицынымъ на житье и пробыла въ Зубриловкѣ первое время.

Типографія заведенная въ Тамбовѣ упоминается у Державина въ стихахъ. Когда въ 1788 году былъ назначенъ епископомъ въ Тамбовскую епархію Новгородскій Викарій Өеофилъ, Державинъ показывалъ ему свою типографію, которой гордился, любилъ похвастать и поднесъ Өеофилу слѣдующее четверостишіе:

На посѣщеніе въ Тамбовѣ

Типографіи Епископомъ Ѳеофиломъ.

На память твоего, Ѳеофилъ, къ намъ прихода
Безсмертью здѣсь твое мы имя предаемъ
И должно ли молчать учителю народа
Разсыпь твой бисеръ намъ; мы свѣтъ обогатимъ.

~*~

Помимо чисто административныхъ мѣръ къ заведенію большаго порядка въ управленіи намѣстничества, не забывая самаго общества, которое онъ старался забавлять и веселить и въ этихъ забавахъ образовывать и развивать — Державинъ не забывалъ также и объ нуждахъ самаго города Тамбова. При немъ былъ составленъ планъ города и начались правильныя постройки. Городская земля стала продаваться участками съ обязательствомъ строится на ней извѣстнымъ законнымъ порядкомъ, а не такъ, какъ кому приходило на умъ. По городу были выстроены каменныя караульни, начатъ и оконченъ, существующій до сихъ поръ, большой каменный мостъ при въѣздѣ въ городъ Тамбовъ по Астраханской дорогѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Державинъ предпринялъ составить топографическое описаніе всей Тамбовской губерніи и для этого онъ выписалъ топографовъ, землемѣровъ и другихъ свѣдующихъ людей.

Въ то время кажется это была мода, или лучше сказать одно изъ средствъ, угодить Императрицѣ. Многіе генералъ-губернаторы и намѣстники занялись каждый своимъ краемъ съ этой точки зрѣнія.

До какой степени Державинъ входилъ самъ во всякое, даже и маловажное дѣло когда оно касалось до него какъ правителя, мы видимъ изъ одного архивнаго дѣла, въ сущности пустаго по тому времени.

Однажды, выходя изъ намѣстническаго правленія, Державинъ увидѣлъ на крыльцѣ мальчика, лѣтъ семи или восьми, съ оборванной цѣпью на шеѣ. Онъ взялъ ребенка, вернулся съ нимъ въ присутствіе и разспросилъ его.

Мальчикъ разсказалъ что онъ сынъ крѣпостного человѣка Тамбовской округи, села Борщевки, помѣщика Дулова, что онъ былъ приставленъ бариномъ пасти свиней, и однажды, нечаянно одну изъ нихъ упустилъ изъ поля на село. Помѣщикъ взялъ его и наказавши *„пэжалами, кнутьями* и *палками“*, надѣлъ на него эту цѣпь и приковалъ къ стулу, съ тѣмъ чтобы послѣ снова повторить наказаніе. Убоявшись вторичныхъ побоевъ, онъ воспользовался тѣмъ случаемъ, что цѣпь была падломлена въ одномъ мѣстѣ разбилъ ее и бѣжалъ въ городъ. (Вѣроятно при помощи и по совѣту кого либо изъ взрослыхъ).

Мальчикъ этотъ былъ отданъ въ приказъ общественнаго призрѣнія на излѣченіе отъ побоевъ, а на прокормленіе его велѣно отпускать по 5 коп. въ день, до слѣдующаго распоряженія губернатора.

Державинъ между тѣмъ обратился къ губернскому преводителю дворянства Бибикову, съ предложеньемъ собрать свѣдѣнія объ состояніи и поведеніи помѣщика Дулова, что и было вскорѣ исполнено. Сосѣди Дулова отнеслись *невѣдѣніемъ* объ его поведеніи относительно своихъ крѣпостныхъ. Уѣздный же судъ донесъ объ двухъ жалобахъ бывшихъ на помѣщика за побои, *но маловажныхъ*.

Вслѣдствіе этаго мальчикъ былъ возвращенъ на мѣсто жительства, однако съ предписаніемъ отъ Державина Дулову: обращаться *съ своими рабыми* снисходительно, въ противномъ же случаѣ ему обѣщано поступленіе по законамъ. Какова была послѣдующая судьба мальчика неизвѣстно и оставляетъ широкое поле догадкамъ.

Къ тому же времени относится устройство въ Тамбовѣ мѣста общественныхъ собраній, какъ говорилось *редута*.

Въ скорѣ же по пріѣздѣ въ Тамбовъ, Гавріилъ Романовичъ узналъ что въ Рязани существуетъ уже подобное заведеніе, нѣчто въ родѣ клуба, приносящее доходъ, идущій въ пользу приказа общественнаго призрѣнія и немедленно обратился къ Рязанскому губернатору Волкову съ слѣдующимъ письмомъ:

„Увѣдомился я, что попеченіемъ вашего превосходительства, заведенъ въ Рязани редутъ для пользы приказа общественнаго призрѣнія и для увеселенія благороднаго общества. Будучи увѣренъ что, онъ распоряженъ наилучшимъ образомъ и желая удовлетворить здѣшнему обществу такимъ же заведеніемъ, всепокорнѣйше ваше превосходительство прошу: приказать съ плана того заведенія и со всѣми его артикулами списать копію и пожаловать обязать меня и здѣшнее общество“.

Волковъ немедленно выслалъ Державину планъ и записку „какимъ образомъ учрежденъ въ Рязани домъ и при немъ училище и редутъ“.

Въ этомъ выраженіи—мы видимъ между прочимъ, что мѣстамъ общественныхъ собраній въ Россіи очевидно судьба вѣчно носить иностранное названіе. Сначала видимъ ассамблею (assemblée), за тѣмъ редутъ (итальянское ridotto т. е. зданіе для маскарадовъ) за тѣмъ появляется и живетъ досихъ поръ клубъ (club).

Къ лѣту 1786 года относится празднество устроенное Державинымъ у себя въ домѣ въ день восшествія на престолъ Императрицы. Оно было устроено въ честь Гудовича, который пріѣхалъ изъ Рязани и присутствуя на торжествѣ, былъ его героемъ. Сочинено оно было разумѣется Державинымъ. Прилагаемъ текстъ этаго празднества, и списокъ лицъ т. е, дѣтей участвовавшихъ въ представленіи.

ТОРЖЕСТВО

ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

ОТПРАВЛЕННОЕ ВЪ ТАМБОВѢ ГУБЕРНАТОРОМЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ ВЪ ЕГО ДОМѢ.

1786 года 28 іюня.

—

Хоръ.

Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Лаврентій Семеновичъ Журавченко.
Иванъ Петровичъ Ивановъ.
Анна Николаевна
Прасковья Николаевна } Свѣчины.
Надежда Николаевна
Княжна Екатерина Ивановна Давыдова.

Кадриль.

Иванъ Михайловичъ Ушаковъ.
Елизавета Петровна Аничкова.
Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Надежда Матвѣевна Булдакова.
Михаилъ Николаевичъ Кормилицынъ.
Екатерина Степановна Беклемишева.
Николай Дмитріевичъ Хвощинскій.
Фіона Ивановна Комсина.
Николай Степановичъ Беклемишевъ.
Софья Дмитріевна Хвощинская.
Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
Евпраксія Николаевна Сатина.
Борисъ Дмитріевичъ Хвощинскій.
Елена Николавна Охлебинина.

Корнилій Андреевичъ Ниловъ,
Елизавета Андреевна Алѣева.
Сергѣй Николаевичъ Охлебнинъ.
Анна Никитишна Салькова.
Романъ Феодоровичъ Фонъ—Мелинъ.
Елизавета Федоровна Макшѣева.
Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
Екатерина Прохоровна Ерина.
Александръ Петровичъ Чевелевъ.
Каролина Феодоровна Фонъ—Мелина.

Въ древнія времена въ Аѳинахъ былъ обычай составлять торжество богинѣ Минервѣ, страну Аттическую покровительствовавшей. Оно установлено было для поощренія къ добродѣтели и отправлялось слѣдующимъ порядкомъ: по принесеніи въ храмѣ жертвъ, главный жрецъ выводилъ на народную площадь сонмъ молодыхъ юношей и дѣвицъ, облеченныхъ въ легкія бѣлыя одежды, украшенныя цвѣтами. Во время шествія они пѣли стихи, подобные нижеслѣдующимъ, въ честь ихъ покровительницы. По пришествіи же на мѣсто, хорегъ показывалъ имъ того мужа, который болѣе всѣхъ изъ зрителей отличалъ себя заслугами отечеству и благодѣяніями согражданамъ. Хоры предъ нимъ останавлялись. Первой пары юноша и дѣвица подносили ему дубовый вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Сіе было обыкновенное воздаяніе мужеству и благотворенію въ древности. Потомъ начинались пляски.

Подражая сему древнему аѳинейскому обыкновенію, Тамбовское благородное общество, торжествуя день восшествія на престолъ Ея Величества, составило кадриль изъ благородныхъ обоего пола дѣтей, которыя, будучи одѣты въ

бѣлое греческое платье и украшены цвѣточными перевязями, подъ предводительствомъ хорега, представлявшаго жреца, вышли изъ представленнаго въ концѣ галлереи храма. Во время шествія ихъ, слышно было пѣніе слѣдующаго хора:

ХОРЪ.

Гимнъ богинѣ.

Премудрая Аѳина!
Всещедро божество!
Ты намъ покровъ едина,
Ты наше торжество!

Благоволи пробавить
Щедроту къ намъ свою,
Почтить того, прославить,
Кто только лишь твою
Одну святую волю
И твой законъ хранитъ,

Счастливитъ смертныхъ долю
Не мститъ, благотворитъ,
И по путямъ лишь чести
Влечетъ къ себѣ сердца.
Достоинъ не изъ лести
Тотъ славы и вѣнца.

По окончаніи онаго, дѣти, подошедъ къ главно командующему въ губерніи (*) поднесли ему: юноша — вѣнецъ, сплетенный изъ дубовыхъ листьевъ, а дѣвица - корзину цвѣтовъ, съ слѣдующимъ кроткимъ привѣтствіемъ.

---

*) къ генералъ-губернатору Гудовичу.

Юноша.

„За оказанныя благодѣянія здѣшнему обществу подносимъ искреннiе знаки нашей вамъ благодарности и почтенія".

„Позволь, да радость нашу изъявимъ мы плясками и играми."

По данному начальникомъ знаку начался балъ, въ продолженіе котораго горѣла въ городѣ по разнымъ публичнымъ мѣстамъ иллюминація, озаряя нижеслѣдующія картины.

I

Солнце въ полномъ свѣтѣ, по среди котораго вензеловое имя Екатерины Вторыя освѣщало лучами своими полсвѣта, на которомъ сидящіе орлы съ пламенными сердцами подымали крылья, дабы воспарить къ сему благотворному свѣтилу.

Надпись:

Твой свѣтъ насъ воскриляетъ.

II

Геркулесъ, въ груди котораго вензеловое имя Екатерины Вторыя, облеченный во львиную кожу, стоитъ, облокотясь на свою палицу, попирая ногами гидру. Леопарды и медвѣди убѣгаютъ, а младенцы, играя вокругъ его, разсыпаютъ цвѣты.

Надпись:

Тебя мы не боимся.

III

Аполлонъ выѣзжаетъ на горизонтъ въ обыкновенной своей колесницѣ, запряженной четырьмя огненными коня-

ми. Отъ колесъ его повсюду разливаются розовые лучи. Мраки изчезаютъ. Пришествію его радуется природа. Лебеди и прочія пернатыя машутъ крылами и прославляютъ его пришествіе.

Надписъ:

Торжествуемъ приходъ своего благотворителя.

Вотъ праздникъ въ домѣ губернатора, который былъ диковинкой для тогдашняго времени и для той среды. Такъ какъ герой, въ честь котораго все и было устроено, Гудовичъ - пріѣхалъ изъ Рязани то вѣроятно его именно и сравнивали и съ Геркулесомъ и съ Аполлономъ. Ясное дѣло что все въ торжествѣ польстило Гудовичу. Даже то слово *„главнокомандующій“* губерніей вмѣсто генералъ губернаторъ было вставлено очевидно чтобы сдѣлать ему удовольствіе, ибо Гудовичъ (въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ) не любилъ свою статскую службу и цѣнилъ болѣе свое военное званіе. Итакъ, Геркулесъ и Аполлонъ, главнокомандующій и вѣнокъ дубовый, и весь праздникъ, сдѣлали изъ него друга Державину.... но ненадолго, какъ увидимъ ниже.

Одновременно съ пріѣздомъ Державина въ Тамбовъ случилось хлопотливое и непріятное дѣло.

Въ Тамбовской губерніи былъ одинъ очень богатый старикъ помѣщикъ, нѣкто генералъ-маіоръ Сатинъ, жившій въ деревнѣ и имѣвшій нѣсколько человѣкъ не законнорожденныхъ дѣтей. Еще до прибытія Державина онъ устроилъ

такъ, что усыновилъ ихъ, желая передать имъ вмѣстѣ съ имѣніемъ и большое состояніе. Чрезъ нѣсколько дней однако же, по пріѣздѣ Державина, Сатинъ подалъ заявленіе въ намѣстническое правленіе, что онъ отрекается отъ усыновленія этихъ дѣтей, проситъ не причислять ихъ „и не безчестить тѣмъ фамилію“.

Державинъ будучи, вѣроятно еще прежде, хорошо знакомъ съ прямыми наслѣдниками Сатина т. е. съ племянникомъ его, Кормилицынымъ и со внукомъ Зайцевымъ, похлопоталъ для нихъ и желая чтобы состояніе полусумашедшаго старика досталось имъ, а не дѣтямъ его, имѣлъ неосторожность вмѣшаться въ это дѣло. Онъ вызвалъ Сатина изъ деревни въ Тамбовъ и вѣроятно лаской и совѣтами уладилъ дѣло такъ, что старикъ передалъ часть имѣнія обоимъ родственникамъ, въ чемъ Державинъ ихъ и увѣдомилъ. Все обошлось просто, но вдругъ прошелъ слухъ что въ Петербургѣ на Высочайшее имя подана просьба генералъ-маіоромъ Сатинымъ на Тамбовскаго намѣстника, въ которой онъ жалуется что его насильно привезли въ Тамбовъ и угрозами вынудили сдѣлать распоряженіе въ пользу Кормилицына и Зайцева. Въ Петербургѣ дѣло произвело непріятное впечатлѣніе. Враги Державина зашумѣли и ему пришлось оправдываться.

Дѣло тянулось до зимы. Переданныя имѣнія все таки остались у Кормилицына и Зайцева. Въ послѣдствіи оказалось что не законнорожденный сынъ старика, капитанъ Михаилъ Сатинъ былъ виновникъ всего дѣла. Онъ разумѣется хлопоталъ за себя и за своихъ младшихъ братьевъ, ѣздилъ въ Петербургъ, и тамъ подалъ доносъ, разсказывая повсюду объ насиліи произведенномъ надъ старикомъ самоуправствомъ намѣстника.

Замѣчательно то обстоятельство, рисующее тѣ времена что просьба старика Сатина, привезенная капитаномъ

Сатинымъ стоила ему не мало хлопотъ; *написать* въ то время была не шутка. Для ее составленія выписанъ былъ въ деревню, нарочно изъ Саратова, свѣдущій въ крючкотворствѣ человѣкъ. Что касается до клеветы и лжи, то въ это время подающій просьбу всегда прибѣгалъ къ преувеличенію и ко лжи. Когда официальныя мѣста и учрежденья лгали не вообразимо, то отъ частнаго доноса и требовать нельзя правды. Зимой молодой Сатинъ былъ еще въ Петербургѣ и хотѣлъ будто бы вытащить туда же и старика отца для подачи новой жалобы, но вѣроятно довольный тѣмъ, что на его долю осталась еще порядочная часть наслѣдства, прекратилъ дѣло.

Въ тоже время было у Державина столкновеніе съ другимъ мѣстнымъ помѣщикомъ — Загряжскимъ, но менѣе важное и болѣе смѣшное.

Еще до пріѣзда Державина въ Тамбовъ, стоялъ въ своемъ имѣніи Куровщинѣ, съ своимъ полкомъ, генералъ-маіоръ И. А. Загряжскій и самовольно дѣлая всякаго рода злоупотребленья, раззорялъ сосѣднихъ государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ. Такъ между прочимъ онъ забиралъ насильно провіантъ и фуражъ за три года.

Все это доходило до намѣстническаго правленія, но далѣе нешло и прикрывалось.

Села гдѣ квартировалъ его полкъ, еще при Державинѣ, были такъ раззорены, что не могли уплатить большой недоимки, числящейся за ними.

За годъ до пріѣзда Державина, полкъ былъ выведенъ, на кавказскую линію, но Загряжскій выпросился въ отпускъ и вернувшись домой — началъ снова свои продѣлки. Державинъ не могъ остаться равнодушнымъ къ нимъ и разумѣет-

ся сталъ его останавливать. Начались непріятности. Наконецъ Загряжскій вдругъ взялъ казеннаго машиниста и увезъ его къ себѣ въ имѣніе для какихъ-то работъ. Державинъ въ немъ нуждался и требовалъ его присылки, Загряжскій не выпускалъ. Тогда губернаторъ приказалъ взять машиниста насильно чрезъ полицію, что и было сдѣлано.

Загряжскій обидѣлся, взбѣсился, пріѣхалъ въ Тамбовъ и дѣлалъ (говоритъ Державинъ) „разныя непристойныя чину своему поступки т. е. скакалъ съ заряженными пистолетами и съ большою саблею по улицамъ, дожидался по ночамъ моего выѣзду, ругалъ и строщалъ меня разными угрозами по домамъ.“

Державинъ смѣялся надъ всѣми этими штуками. Наконецъ Загряжскій прислалъ къ нему капитана своего полка Барона Саксна съ вызовомъ на дуэль.

Державинъ отвѣчалъ, что онъ какъ губернаторъ такого „дурачества“ сдѣлать не можетъ, а что если Загряжскому угодно съ нимъ объяснится въ какомъ либо частномъ дѣлѣ, то онъ проситъ его къ себѣ; если же у него есть оффиціальное дѣло, то онъ, какъ правитель, проситъ Загряжскаго въ Намѣстническое правленіе во время присутствія. Загряжскій ничего не отвѣтилъ и ускакалъ въ Рязань къ Гудовичу, но вѣроятно не получивъ и тамъ удовлетворенія, поѣхалъ въ Кіевъ, жаловаться князю Потемкину. Тѣмъ дѣло и кончилось, но всѣ эти постоянныя мелкія дрязги волновали Державина.

Въ письмѣ поэтому новоду Державинъ прибавляетъ... „Право уже у меня отъ бездѣльниковъ голова кругомъ идетъ, а стерпѣть имъ и дать своевольничать не могу“.

Впослѣдствіи, во время ссоры Державина съ Ушаковымъ и Гудовичемъ — Загряжскій будучи въ Петербургѣ

получилъ отъ перваго 20,000 р. „для какаго то тамо стряпанья“ противъ Державина и даже собирался „добиваться въ Тамбовъ въ губернаторы“.

Итакъ, первое время управленія своего Державинъ былъ доволенъ начальствомъ и обществомъ, а они въ свою очередь очевидно полюбили честнаго и умнаго правителя и радушнаго хозяина—хлѣбосола. Вся зима прошла въ веселыхъ частыхъ балахъ, вечерахъ и представленьяхъ. Въ переписке Державина за это время постоянно говорится объ операхъ, роляхъ, костюмахъ, нотахъ и машинахъ. Въ то время составилась труппа любителей и завелись исключительно для театра музыканты и пѣвчiе.

Всѣмъ этимъ руководила жена Державина, объ которой до сихъ поръ сохранилось преданіе, какъ объ ласковой и любезной хозяйкѣ и мастерицѣ. Екатерина Яковлевна Державина (*) особенно хорошо умѣла шить и вышивать и отличалась вкусомъ; въ ея вѣдѣніи было исполненіе костюмовъ. Разумѣется Державинъ невидимо наблюдалъ за всѣмъ.

Мы видимъ, что Державинъ приглашаетъ нѣкоего Аверьянова на службу, потому особенно, что онъ хорошій музыкантъ. Выписываетъ изъ столицъ ноты, разсылаетъ роли, переписывается съ цѣлой компаніей молодыхъ дѣвушекъ объ предстоящихъ представленьяхъ. Въ то же время какой то Шмитъ (изъ Куровщины) просится въ капельмейстеры, ибо заводится въ Тамбовѣ пѣвческій классъ, гдѣ обучаетъ дѣтей *„нотному пѣнію“* какой то секретарь Нижней расправы, бывшій придворный пѣвчій, спавшій съ голоса. Въ это же время появились пѣвчiе во всѣхъ церквахъ, что было здѣсь большой диковинкой.

(*) Урожденная Бастидонъ Ея мать была кормилицей у великаго князя Павла Петровича, а отецъ родомъ Португалецъ былъ камердинеромъ у Императора Петра III. Екатерина Яковлевна скончалась въ 1794 году и тогда Державинъ женился во второй разъ на Дьяковой.

Вслѣдствіе этой страсти къ представленьямъ, было построено особое зданіе для театра и на него опредѣлено 1000 р. въ годъ изъ экономическихъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы доходъ шелъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія. Главному декоратору и машинисту Барзантію прибавлено 100 р. жалованья и онъ былъ назначенъ уже въ штатную должность машиниста театровъ Тамбовскаго и Рязанскаго, построеннаго по примѣру Тамбова.

Въ самую середину зимы пріѣхали для ревизіи въ Тамбовъ, по Высочайшему повелѣнію, сенаторы графъ Воронцовъ и Нарышкинъ. Въ повелѣніи сказано: „для осмотра присутственныхъ мѣстъ" съ тѣмъ, чтобы чрезъ этотъ осмотръ достигнуть „однообразія въ учрежденіяхъ", и именно по случаю найденнаго въ Костромской губерніи „несходства съ учрежденьями другихъ губерній".

Сенаторы нашли городъ и общество въ разгарѣ веселья и разныхъ затѣй и удовольствій. Чрезъ нихъ дошла и до столицъ слава о Тамбовскомъ житьѣ. Ревизіей сенаторы остались вполнѣ довольны и впослѣдствіи Тамбовское намѣстничество получило Высочайшую благодарность.

Въ эту пору, по мнѣнію Державина, Гудовичъ къ нему сталъ холоднѣе вѣроятно потому, что губернія, городъ и даже общество, все казалось въ блестящемъ положеніи и было очевиднымъ результатомъ его управленія. Впрочемъ послѣ ревизіи Гудовичъ представлялъ Державина къ ордену и заявлялъ, что онъ нашелъ губернію въ полномъ безпорядкѣ и все устроилъ къ лучшему быстро и успѣшно. По этому представленію въ слѣдующемъ сентябрѣ Державинъ получилъ орденъ Владиміра 3 степени при письмѣ Воронцова, который какъ бы извинялся, что Державинъ получилъ крестъ не 2 степени, и объяснялъ это обстоятельство тѣмъ, что будто орденъ хотятъ поднять.

Извѣстно, что въ началѣ 1787 года Императрица ѣздила въ Крымъ. Высочайшее шествіе не коснулось Тамбова, но тѣмъ не менѣе Державинъ хлопоталъ объ заготовкѣ лошадей, для высылки ихъ на границы губерніи смѣжныя съ Орловской. Объ этомъ шла переписка еще въ концѣ 1786 года. Предводители дворянства завѣдывали этой заготовкой и нашли болѣе выгоднымъ отдать ее въ подрядъ.

Державинъ хотѣлъ выѣхать на проѣздъ государыни (какъ ѣздилъ въ Козловъ при проѣздѣ кн. А. А. Вяземскаго), но Гудовичъ по чему-то не согласился на это и отпустилъ его только при обратномъ пути Императрицы, представиться ей въ Москвѣ.

Къ числу всякаго рода мелкихъ заботъ, по поводу проѣзда государыни въ Тавриду, относится одно очень оригинальное письмо Державина къ одному чиновнику Мордвинову. Письмо Державина есть отвѣтъ на письмо Мордвинова. Все оно писано имъ собственноручно и съ боку есть его же руки приписка: *переписать хорошенько!* Дабы письмо Державина было вполнѣ ясно, приводимъ сначала письмо Мордвинова.

Милостивый государь мой,

Гаврила Романовичъ,

Болѣзни мои понудили меня другой мѣсяцъ, объ отставкѣ моей подать въ верхній земскій судъ, въ первый департаментъ, челобитную, въ которой просилъ, чтобъ соблаговолилъ судъ представить въ вышнюю команду на разсмотрѣніе; о чемъ и представлено въ намѣстническое правленіе, которое резолюцію свою положило — послать къ коменданту указъ и велѣть, чрезъ кого слѣдовать будетъ, меня въ болѣзни осмотрѣть и объ осмотрѣ въ правленіе репортовать; но верхній земскій судъ, неполуча отъ вышней коман-

ды ни какого обо мнѣ повелѣнія, командировалъ меня на подставу Ея Императорскаго Величества, съ лошадьми, но какъ я уже о болѣзни моей просилъ, чтобъ соблаговолено было отъ должности моей меня отставить, потому что я по слабости моей болезни, исправлять оную не могу, да и командированъ въ вышепоказанную команду безо всякой очереди, а не что иное какъ только дѣлаетъ мнѣ господинъ председатель Охлебининъ крайнюю обиду и притѣсненіе, очемъ принужденнымъ себя нашелъ просить вашего превосходительства сдѣлать милостивое разсмотрѣніе.

Милостиваго государя покорнѣйшій слуга

Семенъ Мордвиновъ.

На это письмо Державинъ отвѣчалъ на другой же день и слѣдующимъ образомъ:

Милостивый государь мой,

Семенъ Михайловичъ (*).

На вчерашнее письмо ваше имѣю честь служить вамъ моимъ отвѣтомъ: хотя первый департаментъ верхняго земскаго суда и представилъ объ отставкѣ вашей въ намѣстническое правленіе, но какъ онъ же самый командировалъ теперь васъ и въ посылку ѣхать, для провожденія лошадей подъ Высочайшее шествіе наряженныхъ, слѣдовательно и подвергъ болѣзнь вашу сумнѣнію, которую однако и безъ сего намѣстническое правленіе долгъ имѣло приказать освидѣтельствовать, и по свидѣтельству уже а не прежде, отпустить васъ отъ должности вашей, а потому ни что другое, какъ оное свидѣтельство и разрѣшитъ: дѣйствительно ли вы больны и посылать ли васъ въ командировку? Впрочемъ

(*) Имя вставлено послѣ, писарской рукой.

мнѣ весьма удивительно, что благородный человѣкъ, какъ вы въ письмѣ вашемъ изъясняетесь, ставитъ себѣ за обиду, что наряжаютъ его, якобы безъ очереди, къ такой должности, гдѣ онъ удостоится увидѣть лице своей всемилостивѣйшей Монархини! Позвольте, милостивый государь мой, мнѣ откровенно изъяснить вамъ образъ мыслей моихъ, при семъ случаѣ. Предки ваши, то есть, предки россійскаго дворянства никогда не были таковы, каковымъ вы себя рекомендовать хотите. Каждый бы изъ нихъ, лежа на смертной постелѣ, услыша себя выбраннымъ видѣть своего государя — столько обрадовался, чтобъ въ безпамятствѣ, велѣлъ своему стремянному тотчасъ сѣдлать себѣ коня своего. Много бы должно было употребить усилія, чтобъ удержать его отъ неограниченной его ревности. Но никто не требуетъ отъ васъ службы сверхъ силъ вашихъ. Буде здоровье ваше позволяетъ вамъ, вы конечно поѣдите въ путь вамъ предлежащій. А когда вы больны, то останетесь покоиться въ домѣ вашемъ. Сожаленія только то достойно, что должно нынѣ и дворянъ въ болѣзняхъ ихъ свидѣтельствовать. Это истинно обидно. Но извините меня въ томъ, когда я исполняю законамъ повѣленное. А для того и желаю строго отъ лѣкаря, что когда онъ освидѣтельствуетъ больнаго дворянина, наряженнаго на Высочайшую службу, то не взирая на сильную свою привычку, многія и частыя дѣлать немощнымъ попущенія, приносилъ бы мнѣ рѣшительные рапорты: или умеръ, или здоровъ. Чего вамъ отъ искренняго сердца желая пребываю въ почтеніи.

Вашъ Мил. Госуд. Моего.

№ 1376.
Октября 25 дня
1786 года.

Его Высокоблагородію Мордвинову.

Письмо это, какъ черновое, не имѣетъ подписи Державина, но все написано его рукой, исключая имени и отчества Мордвинова въ заголовкѣ и затѣмъ № письма въ концѣ. То и другое написано не красивымъ и не твердымъ почеркомъ, другой рукой и другими чернилами, вѣроятно оно прибавлено писаремъ.

Трудно сказать, что побудило Державина распорядиться такъ круто и деспотически. Требовать рапорта медицинскаго: или умеръ, или здоровъ, и если здоровъ, то заставить отправляться въ командировку верстъ быть можетъ за 300, значило не принять въ соображеніе никакой болѣзни.

Это распоряженіе Губернатора намъ кажетъ на столько деспотично, что даже не мыслимо въ человѣкѣ такомъ справедливомъ и образованномъ, какимъ мы видимъ Державина во всей его служебной дѣятельности. Единственное объясненіе, даже можно сказать - оправданіе этого крутого поступка съ Мордвиновымъ заключается въ томъ, что Державинъ подобно всѣмъ лучшимъ людямъ того времени, имѣлъ такое обожаніе къ Великой Монархинѣ что *не могъ понять* Мордвинова, добровольно отказывающагося отъ случая увидѣть Императрицу.

Во всякомъ случаѣ письмо это крайне интересно—какъ образчикъ того тона, съ которымъ относился иногда Правитель Намѣстничества Державинъ не только къ прямымъ своимъ подчиненнымъ, но и къ постороннимъ лицамъ, когда приходилось ему: учить уму-разуму или читать мораль.

Въ періодъ этого времени т. е. проѣзда Императрицы случилось маленькое происшествіе, вызвавшее вмѣшательство Державина въ распоряженія мѣстнаго Духовенства.

20 Марта 1787 года, было назначено освященіе соборной церкви Спаса-Преображенія въ г. Тамбовѣ, по почему то въ Намѣстническое правленіе объ этомъ не было дано знать. Оскорбясь такимъ невниманіемъ, Гавріилъ Романо-

вичъ чрезъ Приказъ предписалъ сообщить въ консисторію, чтобъ впредь о всѣхъ церковныхъ торжествахъ было непремѣнно даваемо знать въ полицію.

Впрочемъ сношенія Державина съ духовными властями были вообще самаго дружелюбнаго свойства. Заботясь между прочимъ объ усиленіи средствъ приказа общественнаго призрѣнія, Державинъ отнеся въ три епархіи: Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую, прося о разрѣшеніи выставить кружки въ церквахъ и монастыряхъ и вообще объ помощи со стороны духовенства. На это Державинъ получилъ хранящіяся въ дѣлѣ письма за собственноручными подписями Епископовъ: Семіона Рязанскаго, Ѳеодосія Тамбовскаго и Св. Тихона Воронежскаго, въ которыхъ объявлялась полная готовность содѣйствовать доброму дѣлу. При нихъ приложено было:

„Поучительное увѣщаніе, которое имѣютъ говорить священники, гдѣ поставлены будутъ ящики, присланные отъ приказа общественнаго призрѣнія къ сохраненію денежной милостыни, подаваемой отъ доброхотныхъ дателей, и изъ которыхъ проповѣдники слова Божія могутъ брать поводъ къ своимъ поученіямъ на тотъ же конецъ, чтобы сердца православныхъ побудить къ подаянію сей милостыни".

Эта форменная, такъ сказать, проповѣдь, слѣдующаго содержанія.

„Православные Христіане"!

„Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая Государыня наша, яко сущя сердобольная мать, о чадахъ и о благосостояніи подданныхъ своихъ день и нощь пекущаяся, духомъ же Божіяго милосердія движима, когда дала премудрое свое учрежденіе на управленіе насъ, своихъ вѣрноподданныхъ, то между прочими милосердыми установленіями,

воззрѣла окомъ человѣколюбія своего и на весь родъ нищихъ, сирыхъ и увѣчныхъ, и всѣхъ ихъ, какъ бы вмѣстя въ сострадательное сердце свое, для всѣхъ благоволила узаконить особливый приказъ, подъ именемъ общественнаго призрѣнія; какое же имѣетъ быть дѣло приказа онаго, — вотъ точныя Ея Величества рѣчи“:

„Приказу общественнаго призрѣнія поручается попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи: первое, народныхъ школъ; второе, установленіе и надзираніе сиротскихъ домовъ, для призрѣнія и воспитанія сиротъ мужскаго и женскаго пола, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія; третіе, установленіе и надзираніе гофшпиталей или больницъ, для излѣченія больныхъ; четвертое, установленіе и надзираніе богадѣленъ, для мужскаго и женскаго пола, убогихъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, кои пропитанія не имѣютъ; пятое, установленіе и надзираніе особаго дома, для неизлѣчимыхъ больныхъ, кои пропитанія не имѣютъ; шестое, установленіе и надзираніе дома для сумашедшихъ; седьмое, установленіе и надзираніе работныхъ домовъ для обоего пола; осьмое, установленіе и надзираніе смирительныхъ домовъ для обоего пола людей. Вотъ учрежденіе Строительницы Божіяго къ бѣднымъ милосердія! Вотъ и дѣло приказа общественнаго призрѣнія. Видите, коль человѣколюбивый промыселъ матери отечества. Сей то приказъ, соотвѣтствуя, званію своему, паче же споспѣшествуя благоутробію человѣколюбивой законодательницѣ своей представляетъ вамъ влагалище сіе (*). Вы же Божіимъ щедротамъ и Монархини подражатели тщатеся быти братія! Будьте къ бѣднымъ сострадательны, и усерднымъ подаяніемъ вашимъ, содѣлайте влагалище неизчерпаемымъ источникамъ—скудость страждущей собратіи вашей – нескудно удовлетворяющимъ. Се случай къ подаянію милостыни, и

(*) Ящикъ.

какой другой благовременнѣйшій и удобнѣйшій быть можетъ. И что милостыни похвальнѣе и спасительнѣе есть, когда ей писаніемъ святымъ приписывается сила огня и воды на истребленіе и очищеніе грѣховъ? Огнь горящь угаситъ вода, и милостыня очиститъ грѣхи: говоритъ премудрый Сирахъ. Давидъ же святый во псалмахъ своихъ припѣваетъ: Блаженъ, разумѣвая на нища и убога, въ день тотъ избавитъ его Господь."

„И когда называемся мы вѣрноподданными Монархини нашей, то будемъ и вѣрными подражателями Богоугодныхъ дѣлъ Ея, да симъ образомъ будемъ истинные братолюбцы, истинная чада матери нашей и чада отечества, чада и Отца Небеснаго и наслѣдницы Небеснаго Царствія Его, милостивымъ уготованнаго, отъ сложенія міра. Аминь."

„Ходящіе съ кошелькомъ, или блюдомъ — для испрошенія милостыни на домы общественнаго призрѣнія, говорить имѣютъ тако:

„Порадите, православные, по силѣ вашей на бѣдныхъ, сирыхъ и увѣчныхъ подаяніемъ вашимъ, кои въ домахъ суть общественнаго призрѣнія и ждутъ отъ вашего милосердія утѣшитися къ своему содержанію полученіемъ милостыни".

Прилагаемъ и письмо написанное по этому поводу св. угодникомъ Тихономъ Задонскимъ.

Превосходительнѣйшій Господинъ

Гавріилъ Романовичъ

Милостивый государь мой!

На всепочтенное вашего превосходительства требованіе о дозволеніи въ соборныхъ, приходскихъ и монастыр-

скихъ церквахъ въ губерніи Тамбовской, а въ моей епархіи, состоящихъ, учредить ручныя кружки для збору на приказъ общественнаго призрѣнія, имѣю честь донесть: что я консисторіи предписалъ; кружки во всѣхъ церквахъ монастырскихъ и приходскихъ моей епархіи, состоящихъ въ Тамбовской губерніи, поставить дозволить и чтобы збору спосиѣшествовали священно и церковно-служители, о томъ имъ предписано.

За наилучшее притомъ удовольствіе почитаю, что изволите, ваше превосходительство, меня считать между готовыми вспомоществовать общественному призрѣнію, какъ и въ самомъ дѣлѣ есмь, пребываю къ вашей особѣ съ моимъ совершеннымъ почитаніемъ.

Вашего превосходительства
Милостиваго государя моего

Покорнѣйшій Слуга и Богомолецъ
Тихонъ Епископъ Воронежскій.

Іюля 9-го дня
1786 года.

Въ числѣ прочихъ архивныхъ бумагъ, письмо это обращаетъ на себя вниманіе и внѣшнимъ видомъ. Оно написано очень легкимъ и мелкимъ почеркомъ, безъ сокращеній и съ замѣчательнымъ (по тому времени) соблюденіемъ ороографіи. Во всемъ письмѣ только слово сборъ, два раза написано *зборъ*. Подпись собственноручная, написана мелко, четко и красиво; самая бумага отличается отъ всѣхъ остальныхъ качествомъ своимъ — листъ плотный, свѣтлосиній и съ золотымъ обрѣзомъ.

Къ осени и зимѣ 1786 и 1787 годовъ, относится интересное и самое крупное явленіе за все время управленія Державина, а именно, открытіе *Главнаго Народнаго Училища* въ губернскомъ городѣ и за тѣмъ нѣсколькихъ *Малыхъ Училищъ* по уѣзднымъ городамъ.

Эти народныя училища, уже давно проэктированныя, были открыты, по Высочайшему повелѣнію, одновременно во многихъ губерніяхъ (и между прочимъ въ Тамбовѣ) въ день коронаціи Императрицы, 22 сентября 1786 года. Директоръ главнаго училища въ Петербургѣ Козодавлевъ, еще отъ 4 августа, увѣдомляетъ Державина, что уставъ народныхъ училищъ вскорѣ долженъ быть конфирмованъ. За тѣмъ 13 августа уставъ дѣйствительно былъ конфирмованъ, а 3 сентября отпечатанъ. Тогда Грибовскій, надѣявшійся получить мѣсто директора училищъ въ Тамбовѣ, немедленно выслалъ его Державину, желая вѣроятно этимъ угодить ему. За тѣмъ перваго сентября, Державинъ получилъ отъ генералъ-губернатора слѣдующее предписаніе:

М. Г. мой, Гаврилъ Романовичъ!

Препровождая при семъ копію съ полученнаго мною Высочайшаго, Ея Императорскаго Величества, имяннаго указа, касательно заведенія народныхъ училищъ во многихъ намѣстничествахъ, въ томъ числѣ и въ Тамбовскомъ, за нужное считаю дать знать Вашему Превосходительству, что поколику заведеніе таковыхъ училищъ полагаю я нужнымъ сдѣлать, въ силу сего указа, сверхъ губернскаго города Тамбова, еще въ Козловѣ и Лебедяни, то и извольте, за отсутствіемъ моимъ, стараться въ губернскомъ городѣ Тамбовѣ пріуготовить на первый случай способной домъ, для открытія онаго въ 22 день будущаго сентября, поколику такого

казеннаго нѣтъ, и все по усмотрѣнію вашему при томъ потребное, дабы тогда ни какой остановки не было; а равнымъ образомъ о пріуготовленіи нынѣ же таковыхъ же нужныхъ къ 22 сентября, сдѣлайте надлежащія предписанія немедленно — Козловскому и Лебедянскому городничимъ; а я между тѣмъ, получа уставъ и штатъ сихъ училищъ, поспѣшу доставить вамъ, въ соображеніе нужныхъ замѣчаній; а за тѣмъ прошу, ваше превосходительство, прислать ко мнѣ свѣдѣнія о числѣ состоящей на лицо собранной, въ сходственность Высочайшаго городоваго положенія, какъ въ Тамбовѣ, такъ Козловѣ и въ Лебедяни, – городовой суммы и означа сколько оной еще быть въ полученіи надѣетесь, поспѣшите увѣдомить меня, какія средства вы, по пребыванію вашему на мѣстѣ, почитаете за удобнѣйшія къ содержанію народныхъ училищъ, въ силу сего указа, безъ оскудѣнія и для другихъ полезныхъ заведеній; и во ожиданіи чего пребываю съ особливѣйшимъ почтеніемъ, вашего превосходительста, покорный слуга. Иванъ Гудовичъ."

Хотя давно уже ходилъ слухъ объ учрежденіи въ Имперіи Училищъ, но все таки этаго не ожидали такъ скоро и теперь приходилось ихъ открывать на-спѣхъ, ибо ничего для нихъ, разумѣется, не было приготовлено. Державинъ немедленно принялся за дѣло и занялся имъ исключительно. По перепискѣ его съ Гудовичемъ видно, что курьеры скакали между Рязанью и Тамбовомъ, одинъ за другимъ. На всѣ бумаги, касающіяся до училища, Державинъ отвѣчалъ въ тотъ же день. 1 Сентября было получено имъ это предложеніе, а 22 уже открылось въ Тамбовѣ главное училище. Разумѣется, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, оно не могло оставаться въ томъ видѣ, въ которомъ было открыто и только весною слѣдующаго года было уже все въ порядкѣ и дѣло обученія въ полномъ ходу.

За тѣмъ, 5 сентября, Гудовичъ предписываетъ открыть училище только въ Тамбовѣ и посылаетъ къ Державину

двухъ учителей съ книгами, прибывшихъ изъ Петербурга отъ Козодавлева. Въ этомъ предписаніи сказано, что надо справиться сколько наберется въ городѣ дѣтей, желающихъ поступить въ училище и что если такихъ охотниковъ не найдется, то достать ихъ во что-бы-то ни стало. За тѣмъ Гудовичъ велитъ обратиться къ дворянству и къ купечеству съ просьбой о пожертвованіи въ пользу училищъ. Тогда Державинъ отложилъ хлопоты объ малыхъ уѣздныхъ училищахъ въ Козловѣ и въ Лебедянѣ, и занялся исключительно Тамбовскимъ главнымъ училищемъ.

Прежде всего сдѣланъ былъ приблизительный разсчетъ, во сколько обойдется содержаніе училища, а за тѣмъ, на какія суммы можно надѣяться (*). На главное училище было опредѣлено уставомъ 3,000 р. Впослѣдствіи рѣшено было обратить на эту цѣль: 1) одинъ процентъ на рубль съ прибыли отъ продажи питей, 2) штрафныя деньги съ откупщиковъ и винныхъ подрядчиковъ, 3) штрафныя же деньги, налагаемыя на присутственныя мѣста и лица, или такъ называемыя *пенныя* деньги взыскиваемыя за неправильныя рѣшенія и медленность въ дѣлопроизводствѣ. Въ послѣдствіи сюда причисляли часть выручки приказа, отъ продажи кирпича и даже выручку чрезъ продажу краденыхъ вещей. Такимъ образомъ однажды случилось, что деньги, отобранныя у одного атамана разбойниковъ, въ Елатомскомъ лѣсу, Кузьмы Осипова—105 р. пошли тоже на училище.

1 же сентября Державинъ приказываетъ коменданту Булдакову навести справки, сколько найдется въ городѣ всякаго званія людей, согласныхъ отдать своихъ дѣтей въ училище, „которые могутъ на первый случай обучаться россійской грамотѣ читать и писать“.

7 Сентября полковникъ Булдаковъ увѣдомляетъ Державина рапортомъ, что по справкамъ оказалось желающихъ восемь человѣкъ, и прилагаетъ слѣдующую вѣдомость.

(*) См. Приложенія VIII и IX.

Умершаго поручика Василія Давыдова сынъ, Маркъ . . . . 13 лѣтъ.

Губернскаго архитектора Василія Усачева сынъ, Степанъ . . . . 9 л.

Тамбовскаго 2 гильд. купца Михаила Толмачева сынъ, Павелъ . . . . 10 л.

Умершаго Тамбовскаго мѣщанина Федора Малина, сынъ Никифоръ . . . 9 л.

Умершаго мѣщанина Василія Белевитинова сынъ, Михайло . . . . 8 л.

Однодворца Ананья Кудрякова племянникъ, Степанъ Кудряковъ . . . 9 л.

Отставнаго каптенармуса Ивана Ивашинцова сынъ, Алексѣй . . . . 9 л.

Коменданта Булдакова, дворовой человѣкъ Трофимъ Тимофѣевъ сынъ, Махровъ . . 9 л.

Вотъ имена первыхъ дѣтей, записанныхъ въ имѣющееся открыться народное училище; изъ этой вѣдомости коменданта мы видимъ, что за исключеніемъ трехъ сиротъ, которыхъ зачислили, не спрашивая конечно ни чьего согласія, и за исключеніемъ сына архитектора Усачева и дороваго человѣка самаго Булдакова, безъ сомнѣнія зачисленныхъ ради услуги губернатору, остается 3 человѣка дѣйствительно отдавшихъ дѣтей по собственной волѣ: купецъ Толмачевъ, каптенармусъ Ивашинцевъ и однодворецъ Кудряковъ. Да и этихъ послѣднихъ двухъ можно заподозрить въ томъ, что они исполняли приказаніе, – остается одинъ купецъ Толмачевъ, повѣрившій пользѣ обученія

Впрочемъ эта была первая попытка, и первый отголосокъ общества. Вскорѣ послѣ этаго, комендантъ доставилъ другой списокъ желающихъ, въ числѣ 35 человѣкъ. За тѣмъ нашлось еще нѣсколько. Ко дню открытія въ спискѣ были 51 человѣкъ, большею частію 8 и 9-лѣтнихъ; изъ нихъ было 11 дворянъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ не служащій

изъ дворянъ „Севастьянъ Петровъ Аксентьевъ 20 лѣтъ“. Впослѣдствіи, въ самый день открытія, явилось еще желающихъ 22 человѣка, итого всѣхъ было 73.

Вообще, какъ мы увидимъ ниже, дѣло открытія школъ сначала не клеилось — но Державинъ принялся за это дѣло съ такой ревностью, съ такой любовью, и наконецъ въ виду первыхъ неудачъ, съ такой настойчивостью продолжалъ идти къ цѣли — что вскорѣ и друзья его ради сочувствія, а подчиненные, ради услуги, принялись тоже ревностно помогать ему. Считая начало приготовленій къ открытію съ 5 сентября (день полученія предписанья генералъ-губернатора) и до дня открытія 22 — выходитъ, что все было сдѣлано въ промежутокъ не много болѣе двухъ недѣль.

Получая рапорты коменданта Булдакова, объ прибывающихъ охотникахъ въ школу, Державинъ одновременно сталъ искать домъ для училища. Домъ былъ нанятъ, принадлежащій купцу Іонѣ Бородину, за 300 р. ассиг. въ годъ, но въ такомъ жалкомъ видѣ, что на его починку былъ немедленно вытребованъ необходимый матеріалъ, заимообразно изъ казенной палаты, заготовленный ею собственно для себя — по невозможности купить его въ городѣ: 35 сосновыхъ досокъ, 15 четвертей извести и 15 тыс. кирпичей. Вообще поправка обошлась въ 200 руб., что по тогдашнему, было очень много. Да и эти деньги были взяты заимообразно изъ суммъ отложенныхъ въ приказъ, на устройство кирпичнаго завода.

Домъ Бородина такъ мало былъ годенъ для училища, что въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, Державинъ купилъ деревянный домъ, въ 30 верстахъ отъ города, въ деревнѣ помѣщика Ознобишина за 1200 руб. и перевезъ его въ Тамбовъ. Домъ былъ купленъ на деньги, 1000 руб. пожертвованныхъ завѣщаньемъ скончавшагося, въ это время, преосвященнаго Θеодосія, предмѣстника преосвященнаго Θеоѳила. Двѣсти же руб. были заняты.

Въ тоже время, Державинъ обратился за пожертвованіями по совѣту Гудовича, а въ особенности Козодавлева, писавшаго ему, что въ Москвѣ, въ Смоленскѣ и въ Твери пожертвованія на училища отъ дворянства и купечества были значительныя. Державинъ обратился письменно къ губернскому предводителю дворянства Бибикову и ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, прося ихъ объявить мѣстнымъ дворянамъ, объ открытіи главнаго училища, 22 сентября, и съ приглашеніемъ присутствовать на торжествѣ, просить и объ пожертвованіи (*). Съ тѣмъ же приглашеніемъ жертвовать, обратился Державинъ къ городскимъ головамъ всѣхъ городовъ, исключая Кирсанова, Борисоглѣбска и Спасска, гдѣ ихъ не было. Въ эти три города онъ послалъ ордеры — къ городничимъ.

Затѣмъ къ городничимъ Козлова, Моршанска и Кирсанова, Державинъ обратился особо, съ приказомъ пригласить жителей вообще, пріѣхать въ Тамбовъ на открытіе училища „по недальности разстоянія.“

Вслѣдствіе необходимости часто обращаться въ уѣздные города къ купечеству и вообще имѣя необходимость, для разныхъ соображеній, знать навѣрно число, какъ купцовъ, такъ и мѣщанъ, по всѣмъ уѣзднымъ городамъ, Державинъ на одномъ приказѣ Лебедянскому городничему обратиться къ купечеству (который слѣдовало переписать для разсылки всѣмъ городничимъ) – собственно-ручно приписалъ съ боку: ,,переписывать, то надобно справиться, есть-ли въ Лебедянѣ и въ прочихъ городахъ купечествы“.

(*) Въ одномъ черновомъ отпускѣ есть интересное прибавленіе, писанное рукою Державина, которое однако зачеркнуто и которое трудно было-бы понять, если-бы мы не знали предъидущихъ ссоръ Державина. Въ спискѣ именъ предводителей, къ которымъ надо писать—противъ имени Кирсановскаго предводителя—прибавлено:“...чтобы объявить благородному дворянству *кромѣ капитана Михаила Ларіоновича, сына Сатина....*“ Это было вѣроятно мщеніе Державина за доносъ, но повторяемъ, что оно зачеркнуто.

Послѣдствіемъ этой приписки, а можетъ быть и по особому приказанію его, мы находимъ въ нарядѣ бумагъ, касающихся до училищъ, списокъ (*), сколько въ какомъ уѣздномъ городѣ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ.

Списокъ этотъ тѣмъ интересенъ, что показываетъ, во первыхъ: что Козловъ и Моршанскъ играли и тогда важную роль въ Тамбовской губерніи, относительно другихъ городовъ; во вторыхъ, что Тамбовъ занималъ по числу купечества седьмое мѣсто, а первое принадлежитъ Козлову. По числу же мѣщанъ и цѣховыхъ: первое мѣсто занимаетъ городъ Кадомъ (**), второе мѣсто принадлежитъ, сосѣдственному ему, Темникову, а Козлову третье. Хотя тогдашнимъ статистическимъ свѣдѣніямъ не слѣдуетъ разумѣется очень довѣряться, но все-таки фактъ – что Кадомъ былъ богатый, людный, торговый городъ тому назадъ 85 лѣтъ, а Тамбовъ созданный административно и тогда не обѣщалъ сдѣлаться оживленнымъ пунктомъ ни въ торговомъ, ни въ какомъ либо иномъ отношеніи.

Послѣ многихъ хлопотъ – 22 сентября, было открыто главное училище.

Державинъ, отъ 25 сентября, увѣдомляетъ объ этомъ Гудовича, слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ, которое къ несчастію не окончено и прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Милостивый Государь,
Иванъ Васильевичъ!

Въ сходствіе предписанія Вашего Высокопревосходительства, отъ 1 числа сего мѣсяца, воспослѣдовавшаго по

(*) См. Прил. III.
(**) Нынѣ заштатный. Именно при Державинѣ былъ превращенъ въ посадъ въ 1786 году, о чемъ Державинъ доносилъ тогда же въ Академію Наукъ.

именному, Ея Императорскаго Величества, Высочайшему соизволенію, данному Вамъ, отъ 12 августа, относительно открытія народныхъ училищъ въ 22 число сего мѣсяца, имѣю честь донести:

Въ означенный день, въ губернскомъ городѣ Тамбовѣ главное народное училище открыто слѣдующимъ образомъ: по священнодѣйствіи Божественной Литургіи преосвященнымъ Ѳеодосіемъ, Епископомъ Тамбовскимъ и Пензенскимъ (*), въ Соборной Казанской церкви, при многочисленномъ собраніи здѣшнихъ чиновниковъ, дворянства, гражданъ и простаго народа, и по сказаніи проповѣдникомъ Его Преосвященства, приличнаго, торжественному дню иознаменитому случаю, поучительнаго слова, отправлено было полнымъ священнымъ соборомъ за Всевысочайшее, Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ здравіе, ко Всевышнему благодарное молебствіе. При возглашеніи многолѣтія Ея Императорскому Величеству и всему августѣйшему дому, производилась пушечная пальба. Потомъ всѣмъ собраніемъ слѣдовали въ изготовленный домъ для училищъ, гдѣ, его же преосвященствомъ, учинено было водоосвященіе, окропленъ святою водою домъ и приведенныя для ученья дѣти, которыхъ простирается число до 73 и кои были порядкомъ поставлены за учебными столами. По окончаніи сей духовной церемоніи, паки возглашено многолѣтствіе Ея Императорскому Величеству; причемъ еще производилась пушечная пальба и слышано было вокругъ дома народное восклицаніе, радостный восторгъ изъявляющее, обыкновеннымъ словомъ: Ура. Во время сего учитель 4 класса Василій Роминскій говорилъ предъ собраніемъ бладарственную рѣчь Ея Императорскому Величеству, за изъ[ія]нныя Ея Высочайшія къ народу своему щедроты, учре-

(*) Обѣ губерніи составляли тогда одну епархію, хотя принадлежали къ разнымъ генералъ-губернаторствамъ.

жденіемъ народныхъ училищъ. Послѣ сего имѣлъ я удовольствіе угощать какъ благородное общество, такъ и духовенство обѣденнымъ столомъ, а народъ, на площади предъ намѣстническимъ домомъ, довольствованъ былъ питіемъ и обѣдомъ отъ здѣшняго купца Матвѣя Бородина.

Въ вечеру весь городъ былъ иллюминованъ и у меня балъ продолжался въ немалочисленномъ собраніи большую часть ночи. Словомъ, во весь сей день, какъ благородное и гражданское общество, такъ и самая чернь, оказывали прямые знаки своей искренней радости объ открытіи училищъ и неизрѣченной благодарности Всемилостивѣйшей Государынѣ, за матернее ея попеченіе о просвѣщеніи своего народа. Впрочемъ имѣю честь присовокупить присемъ, какъ поименной списокъ дѣтямъ, отданнымъ въ училище, такъ поучительное слово и рѣчь, говоренныя проповѣдникомъ и учителемъ (*) для любопытства Вашего Высокопревосходительства! А паче же, ко мнѣ изъ Петербурга, директоръ главнаго училищъ г. Козодавлевъ писалъ, что надобно церемонію и произшествіе при открытіи училища случившіяся, припечатать въ газетахъ, то и разсудилъ я о всѣхъ помянутыхъ подробностяхъ Вашего Высокопревосходительства учинить извѣстнымъ, съ тѣмъ, ежели что вамъ угодно будетъ, то и прикажите дать знать Санктъ-Петербургской Академіи Наукъ. (**)

№ 1252.
Сентября 25
1786 года.

Послѣ словъ письма: „оказывали прямые знаки своей искренней радости..... Государынѣ за матернее ея попеченіе о просвѣщеніи своего народа„ – Державинъ продолжалъ

(*) См. Прил. II.

(**) Извѣстіе объ открытіи училища было напечатано въ С.-Петерб. вѣдомостяхъ.

разсказывать ниже приводимое, но затѣмъ разсказа не окончилъ, зачеркнулъ и придѣлалъ вышеприведенный конецъ со словъ: „впрочемъ имѣю честь присовокупить присемъ"...

Вотъ это зачеркнутое продолженіе:

„Свидѣтельствуется сіе (т. е. радость жителей) наипаче двумя пріятными, случившимися приключеніями, о которыхъ я за нужное почитаю донесть Вашему Высокопревосходительству. 1) Предъ наступленіемъ дня открытія училища, записано было только въ оное желающихъ отдать дѣтей человѣкъ до сорока; (*) но когда наступилъ тотъ самый день, записанные дѣти приведены были въ ихъ мѣста, открылось церемонія, то вдругъ множество отцовъ и матерей, изъ самыхъ бѣдныхъ поселянъ, съ радостнымъ желаніемъ привели въ училище болѣе 20 человѣкъ (**), такъ что должно было узнавать и переписывать имена ихъ на другой день. 2) По окончаніи церемоніи въ домѣ народнаго училища..."

На этомъ прерванъ разсказъ и все помарано. Нѣтъ сомнѣнія, что другой случай, о которомъ хотѣлъ Державинъ разсказать—есть рѣчь не ожиданно произнесенная однимъ однодворцемъ Захарьинымъ.

Изъ записокъ Державина, мы узнаемъ объ однодворцѣ Захарьинѣ и объ этой рѣчи слѣдующее:

Во время пребыванія Державина въ Тамбовѣ, къ нему часто хаживалъ, пѣшкомъ изъ Козлова, тамошній однодворецъ, человѣкъ бѣдный и очень талантливый, писавшій всякаго рода стихи и притомъ горькій пьяница.

Когда приближалось открытіе училища, Державинъ хлопоталъ объ хорошемъ проповѣдникѣ, для того, чтобы мо-

(*) По рапорту комендanта Булдакова ихъ было 51.

(**) По списку 22, что и составило 73 человѣка.

гла быть сказана хорошая проповѣдь или рѣчь. Епископъ Өеодосій какъ человѣкъ больной, не надѣявшійся даже быть на открытіи и при томъ не ученый — отказался говорить.

Державинъ послалъ просить объ этомъ, извѣстнаго въ Тамбовѣ своимъ умомъ, Ломовскаго архимандрита, но такъ какъ г. Ломовъ по Епархіи принадлежалъ къ Тамбову, но по администраціи къ Пензѣ, то архимандрита вытребовали съ тою же цѣлію въ Пензу. Тогда Державинъ поручилъ сочинить рѣчь явившемуся изъ Козлова Захарьину, объяснивъ ему, что нужно сказать. Этотъ согласился, но написалъ такую рѣчь, гдѣ не было „ни складу, ни ладу". Три раза заставлялъ его Державинъ передѣлывать, но безъ успѣха. На разсвѣтѣ того же дня, какъ увѣряетъ самъ Державинъ, онъ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ Захарьина и продиктовалъ ему рѣчь своего собственнаго сочиненія.

Такъ какъ Захарьинъ не могъ говорить, ни въ церкви, ни въ училищѣ, будучи не изъ духовныхъ и не изъ учителей, то рѣшено было, что онъ скажетъ ее на улицѣ, остановивъ всѣхъ у дверей училища, первыми словами рѣчи:

„Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего"....

Это и было сдѣлано; когда всѣ выходили изъ училища обратно въ казанскій монастырь, Губернаторъ, при первыхъ же словахъ, вернулъ всѣхъ въ училище и тамъ уже, у портрета Императрицы, Захарьинъ сказалъ рѣчь, которая произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе, особенно когда Захарьинъ, взявъ у своей жены сына и кончая рѣчь, положилъ его у подножія портрета, какъ бы отдавая его государынѣ.

Рѣчь эта была послана вскорѣ же къ Императрицѣ, очень понравилась ей и сначала велѣно было чрезъ курье-

ра привести краснорѣчиваго однодворца ко двору. Но Захарьину надавали въ тотъ день столько денегъ, что онъ запилъ и долго пропадалъ безъ вѣсти.

Въ послѣдствіи догадались, что рѣчь была сочинена Державинымъ, чего онъ впрочемъ и не скрывалъ. Рѣчь эта была напечатана въ газетахъ и даже переведена для напечатанія на иностранные языки. Друзья Державина пишутъ ему объ этой рѣчи и даже намекаютъ на то, что она имъ сочинена.

Саблуковъ пишетъ, что рѣчь великолѣпна, но удивительно, гдѣ могъ однодворецъ „почерпнуть краснорѣчіе Демосѳеново и Цицероново". И за тѣмъ прибавляетъ: „что уроженецъ рѣки Ра" можетъ и не такъ писать. Это намекъ на псевдонимъ Державина подъ одной одой: *житель рѣки Ра* (т. е. Волги.)

Козодавлевъ тоже намекаетъ въ письмѣ: „здѣсь говорятъ: онъ будто не природный россіянинъ, а крещеный татаринъ и будто человѣкъ знатный т. е. Мурза." Намекъ на извѣстную оду Державина: *Видѣніе Мурзы*. И далѣе: „Тамбовскій однодворецъ счастливѣе Олонецкаго попа, говорившаго рѣчь при открытіи Петрозаводской больницы". Рѣчь эта была тогда разумѣется сочинена тоже Державинымъ.

Львовъ, другъ Державина, также пишетъ объ этомъ случаѣ въ шутливомъ тонѣ. "Однодворецъ ходитъ по свѣту и теперь съ бородою, которая приросла къ нему, по отъѣздѣ Петра Васильевича (*Заводовскаго*)... Борода сія состоитъ въ томъ, что рѣчь сію сочинилъ кто-то здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) а Петръ Васильевичъ выправилъ; но я вчера въ публичной академіи будучи, бороду намылилъ, а сегодня у княгини (*Дашковой*) и на обѣдѣ у графа (*Безбородко*) буду брить„.

Все это доказываетъ сколько шуму и толковъ было по случаю этой рѣчи. Въ послѣдствіи, на запросъ, какъ награ-

дить Захарьина, Державинъ отклонилъ намѣреніе Гудовича опредѣлить его на службу, ибо онъ былъ горькой пьяницей и совѣтывалъ, какъ самое благоразумное, положить въ банкѣ на имя сына его рублей 500.

Однодворецъ Петръ Михайловичъ Захарьинъ воспитывался съ дѣтства въ домѣ статскаго совѣтника Волкова вмѣстѣ съ его сыномъ и выучился тамъ правописанію, нѣмецкому языку, арифметикѣ и еще кой чему; поступивъ затѣмъ въ военную хлужбу, онъ началъ дурно вести себя, пить и былъ вскорѣ выключенъ. Въ Тамбовѣ онъ существовалъ уроками и стихами. Стихи, писанные имъ, были по большей части подражаніе псалмамъ и вообще вдохновлялись св ничаніемъ. Державинъ говоритъ, что однодворецъ былъ человѣкъ очень доровитый и талантливый. Въ послѣдствіи Захарьинъ написалъ романъ (который хвалитъ и Державинъ) подъ заглавіемъ *Арфаксадъ* Къ нему же именно написана Державинымъ одна шуточная ода переполненная мѣстными, степными выраженьями. Послѣ отъѣзда Державина изъ Тамбовской губерніи, вслѣдъ за нимъ, и Захарьинъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ адмиралъ Мордвиновъ отыскалъ его какъ автора, прочтеннаго имъ романа *Арфаксадъ* и затѣмъ увезъ съ собой въ южную Россію. Захарьинъ умеръ въ Николаевѣ около 1800 года.

При открытіи училища, былъ уже сдѣланъ запасъ книгъ и нѣкоторыя розданы дѣтямъ въ тотъ же день, на руки, безденежно (*) и кромѣ того была сдѣлана подписка, вѣроятно послѣ рѣчей въ училищѣ, а можетъ быть и за обѣдомъ у губернатора. Подписалось 53 человѣка на сумму 762 руб.

Подписной листъ полонъ знакомыхъ именъ и потомки подписавшихся, до сихъ поръ продолжаютъ быть коренными Тамбовскими жителями (**).

(*) См. Прилож. IV.

(**) См. Прилож. VI.

Впрочемъ надо прибавить, что въ одномъ реестрѣ о суммахъ, принадлежащихъ училищу, мы находимъ свѣдѣніе, что изъ 762 р., подписанныхъ при открытіи училища, было дѣйствительно собрано впослѣдствіи 292 рубля, (*) а за исключеніемъ ста рублей, пожертвованныхъ самимъ Державинымъ, выходитъ, что на 662 р. подписанныхъ, было отдано деньгами только 192, т. е. менѣе трети подписанной суммы.

Послѣ открытія, 25 сентября, Державинъ обратился за пожертвованіями въ уѣзды и вообще задался довольно существенными вопросами. Училище было открыто, но на 73 ученика было 2 учителя, присланные изъ Петербурга. Затѣмъ въ училищѣ не было директора, и временно завѣдывали имъ дворянскій засѣдатель секундъ-маіоръ Карамышевъ и смотритель Степановъ.

По поводу этаго мы находимъ двѣ бумаги. Первая есть оффиціальный рапортъ Гудовичу о томъ, что Державинъ уже обращался къ преосвященному Θеодосію, о присылкѣ семинаристовъ для училища и что съ другой стороны, онъ уже хлопочетъ о пріисканіи способнаго человѣка для занятія должности директора, но что пока ни кого не нашелъ. Рапортъ кончается словами: „доколѣ не получатся изъ Петербурга не вышедшія изъясненія исторіи и географіи, то приказалъ я учителямъ, чтобъ они обучали симъ наукамъ по письменнымъ своимъ тетрадкамъ.“

Вторая бумага, сюда относящаяся, есть письмо къ Гудовичу отъ того же числа. Державинъ говоритъ между прочимъ: „Съ особеннымъ признаніемъ и благодарностью, пріемлю я благосклоннѣйшее, Вашего Превосходительства, мнѣ препорученіе, избрать директора народныхъ училищъ, по усмотря въ уставѣ описываемыя качества человѣка, кото-

---

(*) См. Прил. V.

рый долженъ отправлять сіе званіе, не вижу я здѣсь, находящихся безъ должностей, способныхъ къ оному, а потому и осмѣливаюсь вамъ рекомендовать титулярнаго совѣтника Поспѣлова, находящагося въ Петербургѣ, — весьма извѣстнаго мнѣ своимъ поведеніемъ и любленіемъ наукъ.... который по добрымъ своимъ качествамъ, конечно можетъ выполнить совершенно, возложенное на него служеніе.“

Далѣе Державинъ, въ случаѣ отказа Поспѣлова, предлагаетъ Тамбовскаго жителя Тимофеева и наконецъ Грибовскаго, который самъ желалъ этого и былъ-бы назначенъ директоромъ, еслибы президентъ Академіи Наукъ, княгиня Е. Р. Дашкова не воспротивилась этому, самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ уже было замѣчено выше. Державинъ кончаетъ письмо словами: „всѣ сіи люди знаютъ латынскій языкъ и прочія науки, въ уставѣ обучать предписанныя, то и могутъ весьма быть способны, имѣть наблюденіе надъ учителями; но я бы желалъ, чтобъ заступили мѣсто директора ктолибо изъ первыхъ двухъ, а особливо г. Поспѣловъ, совершенно знаемой мною съ хорошей стороны.“ Желаніе Державина не исполнилось, потому что Поспѣловъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ при губернаторѣ Коновницинѣ и отказался ѣхать въ Тамбовъ. Директоромъ училищъ мы находимъ зимою съ 1786 на 1787 годъ — Жохова.

Что касается до пожертвованій, на которыя вызывалъ Державинъ уѣздное дворянство и купечество, то результатъ былъ слѣдующій:

Въ Кирсановѣ дворянство отвѣчало молчаніемъ, а купечество прислало - 75 руб.

Въ Спасскѣ дворянство тоже отвѣчало молчаніемъ, а про купечество городничій Коровинъ донесъ, что онъ объявилъ имъ приглашеніе.... „Токмо изъ онаго всего Спасскаго общества по неимѣнію у онаго большаго капитала, ни кого желающихъ къ тому не оказалось.“

Въ Шацкѣ дворянство отвѣчало молчаніемъ, а городской голова Котовъ, отъ имени купечества, прислалъ для училища „въ пособіе издержекъ - 25 р.“

Въ Елатьмѣ дворянство отвѣчало молчаніемъ, а купечество выслало по приговору общества въ магистратѣ —100 руб.

Въ Лебедяни купечество, въ свою очередь, отвѣчало молчаніемъ, а предводитель дворянства Илишинъ отвѣчалъ что Лебедянское благородное общество рѣшило такъ:...„Когда въ здѣшнемъ городѣ таковое дѣтское училище учреждено будетъ, то тогда, отъ всякаго по достатку своему, въ таковое училище подаяніе отъ нихъ сдѣлано будетъ, а въ Тамбовское училище таковаго подаянія сдѣлать не согласны“.

Изъ Кадома купечество отнеслось, что „по ихъ нынѣ недостатку подаяніе учинить они не могутъ.“ —

Кадомскій же предводитель дворянства Никифоровъ отвѣчалъ Губернатору письмомъ которое и приводимъ:

Милостивый государь,

Гаврилъ Романовичъ!

Всезнаменитые дѣянія и слѣдующая сія ко открытію народнаго въ городѣ Тамбовѣ училища, подъ руководствомъ вашего превосходительства, есть довольно побудительная цѣль каждаго патріота отечества, по изъявленію истиннаго усердія и споспѣшествованію того. Я чувствуя всесердечно толь полезное роду человѣческому открытіе, — всему въ округѣ находящемуся дворянству, волю вашего превосходительства объявить, и тщательное стараніе употребить и о дѣтяхъ, не премину (*), и что изъ того откроется, вашему превосходительству, съ моимъ почтеніемъ донести не умѣдлю.

(*) т. е. узнать число дѣтей, желающихъ поступить въ училище.

По открытіи Тамбовскаго намѣстничества, Кадомское дворянство, имѣя чувственности къ постановленію приказа общественнаго призрѣнія и изъ усердія - составило сумму болѣе 700 руб., препоручивъ внесть въ оной, бывшему тогда господину предводителю, которыя и доставлены, но учавствующія въ томъ особы, а особливо въ отдаленіи находящіяся и по нынѣ состоятъ о тѣхъ деньгахъ въ безъизвѣстности. Есть ли нѣтъ къ тому какихъ либо нибудь неизвѣстныхъ мнѣ препятствій, не благоволите ль, ваше превосходительство, о томъ извѣстить чрез припечатаніе въ вѣдомостяхъ мню не безполезнымъ и къ нынѣшнему случаю подѣйствовать сіе можетъ.

Наконецъ съ истиннымъ моимъ и всесовершеннымъ, къ особѣ вашего превосходительства, почитаніемъ и преданностію пребуду во весь мой вѣкъ, покорный слуга.

Иванъ Никифоровъ.

Этимъ письмомъ и запросомъ объ 700 руб. прежде пожертвованныхъ Кадомское дворянство и ограничилось.

Въ остальныхъ уѣздныхъ городахъ, какъ дворянство, такъ и купечество равно отозвались молчаніемъ.

Впослѣдствіи только Козловское общество заявило себя рѣдкимъ исключеніемъ относительно другихъ постройкой каменнаго дома при открытіи малаго Козловскаго училища. За тѣмъ Моршанское общество дало даровое помѣщеніе для своего малаго училища.

Не смотря на скудость средствъ, въ ноябрѣ, Державинъ уже задумалъ постройку въ Тамбовѣ каменнаго училища, и по смѣтѣ архитектора Усачева видно, что зданіе предполагалось довольно большое.

Вслѣдъ за открытіемъ главнаго народнаго училища — Державинъ занялся вопросомъ объ малыхъ училищахъ по

уѣзднымъ городамъ. Прежде всего онъ обратился къ городничимъ съ запросомъ о числѣ дѣтей, на которыхъ можно разсчитывать.

Вообще мы видимъ, что главный вопросъ открыть училища, а за тѣмъ уже во что-бы-то ни стало найти дѣтей. При свѣдѣніяхъ, какія были получены съ самаго начала изъ большинства уѣздныхъ городовъ — слѣдовало бы отложить учрежденіе училищъ лѣтъ даже на десять и болѣе..... но однако мы видимъ противное. Родителей, желающихъ отдавать дѣтей въ училища, почти не оказывалось и можно сказать, что главная надежда была на сиротскіе дома или вообще на сиротъ.

Свѣдѣніе о числѣ дѣтей, готовыхъ поступить, мы нашли только изъ пяти городовъ: Шацка, Елатьмы, Лебедяни, Моршанска и Козлова.

Съ самаго начала, по первому призыву Державина въ Козловѣ нашлось 20 человѣкъ; одинъ солдатскій сынъ, а остальные изъ купцовъ, однодворцовъ и мѣщанъ. Это было блестящимъ результатомъ, сравнительно съ остальными выше упомянутыми 4 городами.

Въ Шацкѣ, съ самаго начала, оказался только одинъ купецъ Лапушкинъ, соглашавшійся отдать трехъ сыновей, да еще одинъ сирота числившійся въ Шацкѣ.... но жившій съ матерью въ Кирсановѣ! Въ послѣдствіи нашлось 27 человѣкъ дѣтей, но какихъ? На это количество приходилось 2 купеческихъ сына, одинъ помѣщичій и одинъ лѣкарскій, а за тѣмъ 6 оберъ-офицерскихъ дѣтей, 3 сержантскихъ и 14 солдатскихъ, стало быть 23 человѣка исключительно военныхъ дѣтей.

Въ Елатьмѣ нашлось 8 человѣкъ, отдавшихъ своихъ дѣтей, а именно: 2 помѣщика, одинъ однодворецъ, одинъ церковникъ, и 4 мѣщанина.

Въ Лебедяни былъ тоже курьезный результатъ. На 9 человѣкъ, было двое дѣтей отставныхъ солдатъ и 7 человѣкъ дѣтей тоже солдатъ, но изъ штатныхъ Лебедянской команды. Училище вышло вполнѣ военное. Предполагать можно, что здѣсь былъ просто отданъ приказъ по командѣ — отдавать.

Въ Моршанскѣ нашлось много охотниковъ отдать дѣтей въ школу: 2 купца, 1 крестьянинъ, 3 солдата, 2 солдатки, одинъ капралъ, одинъ барабанщикъ; всѣ же остальныя 14 были изъ мѣщанъ. Всего охотниковъ 24 человѣка.

Изъ всего этого очевидно, что дѣтей брали преимущественно такихъ, къ родителямъ которыхъ можно было отнестись съ приказомъ учить ихъ грамотѣ.

Что касается до пріискиванія домовъ для училищъ, то Державинъ предписалъ всѣмъ городничимъ вызывать охотниковъ изъ купечества строить таковые каменные или деревянные дома, съ тѣмъ обѣщаніемъ, что построившіе каменный домъ — не болѣе однако трехъ человѣкъ вмѣстѣ, а не всѣмъ обществомъ освободятся *навсегда* отъ постоя въ ихъ собственныхъ домахъ. Если же кто построитъ деревянный домъ, то „къ чести таковыхъ, могутъ быть имена въ газетахъ припечатаны“.

Нечего и говорить объ томъ, какъ отозвались на это уѣздные жители. Охотниковъ, такъ дорого купить освобожденіе отъ постоя, не нашлось нигдѣ, а видѣть имя свое въ газетахъ и подавно никого не соблазнило. Одинъ городъ Козловъ былъ исключеніемъ, тамъ „благородное и гражданское общество“ положило выстроить каменный домъ. Немедленно послалъ имъ Державинъ форменный подписной листъ, планъ дома и смѣту потребнаго матеріала и наконецъ тотчасъ же назначилъ и мѣсто въ городѣ „противъ гостинаго дома, на Московской улицѣ, отъ церкви Ильи Пророка первую угловую пропорцію“ т. е. усадебное мѣсто.

Въ нѣкоторыхъ городахъ дома скоро нашлись, въ другихъ предположено было нанять. (*) Объ иныхъ же городахъ нѣтъ ни какихъ свѣдѣній и только на одной бумагѣ находимъ приписку на краю листа, „а Спасскъ и Темниковъ остаются по недостатку учителей" т. е. остаются безъ школъ.

Когда дома были найдены, были посланы повсюду плотники изъ Тамбовскаго баталіона, чтобы сдѣлать въ школахъ по одинаковому образцу: столы, скамьи и черныя доски. Все это дѣлалось, пріискивалось, покупалось, чинилось съ невѣроятной поспѣшностью. Такъ напримѣръ 8 декабря были посланы: одинъ плотникъ въ Кирсановъ и Борисоглѣбскъ, другой въ Лебедянь, Липецкъ и Усмань, 3-й въ Моршанскъ, Шацкъ и Елатьму, 4-й въ Козловъ, гдѣ было болѣе всего работы, а между тѣмъ 1 января предполагалось уже открытіе нѣкоторыхъ изъ этихъ училищъ. Но эти хлопоты были не велики въ сравненіи съ хлопотами Державина объ учителяхъ.

Пока онъ переписывался съ городничими объ томъ, чтобы непремѣнно найти учениковъ—онъ въ то же время ведетъ тщательную переписку объ учителяхъ, съ Преосвященнымъ Ѳеодосіемъ, съ консисторіей, съ ректоромъ семинаріи, съ Рязанскимъ губернаторомъ и съ Гудовичемъ. — Въ учителяхъ былъ тоже недостатокъ. Было только нѣсколько пріѣхавшихъ изъ Петербурга для главнаго училища.

Болѣе всего переписывается Державинъ съ Преосвященнымъ Ѳеодосіемъ и проситъ прислать ему семинаристовъ, которые уже „окончили грамматику, и которыхъ по навыкновенію ими способовъ учительскихъ въ главномъ училищѣ" отъ присланныхъ изъ Петербурга, можно было бы къ новому году разослать по уѣзднымъ городамъ. Преосвященный Ѳеодосій пишетъ Державину 7 ноября, что семинаристы, окончившіе грамматику четыре человѣка: Петръ

(*) См. Прил. X.

Лукинъ, Прохоръ Өедоровъ, Иванъ Ивановъ, Іуліанъ Акимовъ" къ нему отправлены.

Когда Державинъ сталъ требовать присылки 22-хъ человѣкъ считая по два, на каждое открываемое малое училище, то Өеодосій отвѣчалъ, что въ Тамбовской семинаріи большой ихъ недостатокъ и что онъ обязанъ прислать еще нѣсколько человѣкъ только для 6-ти городовъ; потому что Шацкъ и Елатьма принадлежатъ къ Рязанской Епархіи, Лебедянь, Липецкъ и Усмань къ Воронежской, а Темниковъ къ Владимірской. Өеодосій совѣтывалъ Державину обратиться въ Рязанскую семинарію, что Державинъ и исполнилъ. Въ числѣ другихъ черновыхъ бумагъ мы нашли за это время двѣ слѣдующія замѣтки, приводимъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они набросаны. Почеркъ первой замѣтки похожъ на почеркъ Державина; вторая написана писаремъ.

Учителя для народныхъ училищъ.

От Тамбовскаго архіерея прислано 4 человѣка.
Изъ Рязани пришлются . . 12 человѣкъ.
Вольный однодворецъ Захарьинъ (*)
Да поручикъ Ломоносовъ.

Итого 18.

Другая замѣтка есть тоже перечень учителей, находящихся на лицѣ, съ прибавленіемъ откуда они и куда будутъ назначены:

Рязанскіе:	Яковъ Половневскій	Въ Козловъ.
	Афанасій Мизеровскій	Въ Козловъ.
	Василій Михайловскій	Въ Лебедянь.
	Николай Протопоповъ	Въ Шацкъ.
(**)	Василій Данковскій	Въ Моршанскъ.
Ломовскій	Прохоръ Куликовскій	Въ Елатьму.

(*) Это единственное указаніе на то, что Державинъ хотѣлъ дать прославившемуся Захарьину мѣсто учителя.

(**) Городъ Ломовъ.

Въ концѣ декабря Дохтуровъ (*) прислалъ изъ Рязани къ Державину десять человѣкъ семинаристовъ; въ тоже время и Θеодосій прислалъ восемь человѣкъ. Державинъ благодарилъ перваго и очень сухо отозвался въ консисторію, что присылка этихъ послѣднихъ была замедлена и что за неимѣніемъ въ нихъ теперь надобности – они отсылаются обратно въ семинарію.

Затѣмъ въ концѣ Декабря, Державинъ предписываетъ городничимъ стараться непремѣнно открыть училища 1-го января и даетъ приказъ или наставленіе, какъ совершить открытіе, т. е. говоритъ объ приглашеніи жителей всѣхъ состояній, объ молебнѣ, окропленіи святой водой и затѣмъ въ каждомъ городѣ назначаетъ, въ чье завѣдываніе должно поступить училище, и даже какихъ нанять сторожей. Въ то-же время онъ предписываетъ Приказу общ. призрѣнія разослать учителей и каждому вручить подъ росписки, нужныя имъ книги и по одному экземпляру устава о народныхъ училищахъ, при томъ выдать имъ по 15 руб. жалованья.

Затѣмъ 14-го января 1787 г. Державинъ увѣдомляетъ Гудовича.

Милостивый государь,

Иванъ Васильевичъ.

Въ дополненіе донесенія моего, отъ 7 числа, къ Вашему Высокопревосходительству посланнаго, въ которомъ представлялъ я между прочимъ, объ открытыхъ въ Шацкѣ и Моршанскѣ малыхъ народныхъ школахъ и что о прочихъ не имѣлъ рапортовъ, имѣю честь теперь донести, что таковыя же школы дѣйствительно открыты въ первый день сего мѣсяца и въ городахъ: Лебедянѣ, Козловѣ и Елатьмѣ....

Гавріилъ Державинъ.

№ 144
Января 14 дня
1787 года.

(*) Кто этотъ Дохтуровъ и какое мѣсто занималъ въ Рязани, по дѣлу не видно.

Этими пятью малыми училищами Тамбовская губернія сначала и ограничилась.

Разсказавъ подробно всѣ хлопоты, разсчеты, и предположенія Державина, всѣ его проэкты, объ открытіи главнаго и одиннадцати малыхъ училищъ — мы укажемъ теперь къ какому результату, вся эта дѣятельность привела.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1787 года, директоръ Жоховъ замѣнившій секундъ маіора Карамышева, временно исправлявшаго должность директора всѣхъ Тамбовскихъ училищъ — отправилъ въ Петербургъ въ *Главное Народныхъ Училищь Правительство* слѣдующій отчетъ, который показываетъ какія училища дѣйствительно были открыты и въ какомъ положеніи находились, какъ главное такъ и малыя; первое почти чрезъ годъ своего существованія, а вторыя чрезъ 8 мѣсяцевъ.

Вѣдомость

о состояніи народныхъ училищъ находящихся въ тамбовской губерніи 1787 года.

§ 1.

Въ Тамбовской губерніи находится нынѣ шесть народныхъ училищъ изъ которыхъ одно главное въ губернскомъ городѣ Тамбовѣ, а другія малыя пять въ уѣздныхъ городахъ какъ то: въ Козловѣ, Лебедяни, Моршанскѣ, Шацкѣ Елатьмѣ. Всѣ оные училища за неимѣніемъ казенныхъ училищныхъ домовъ, сдѣланныхъ по расположенію въ уставѣ народныхъ училищь, показанному, состоятъ въ домахъ городскихъ жителей, и именно. Главное училище въ Покровской слободѣ близь церкви того же имяни, при рѣкѣ Цнѣ въ домѣ купца Іоны Бородина, занимая каменнаго строенія верхній этажъ, состоящій изъ четырехъ большихъ покоевъ

для классовъ и одного малаго для библіотеки. Изъ малыхъ училищь: Козловское, въ домѣ Козловскаго купца Тихона Баженова, близъ церкви Николая Чудотворца; Лебедянское, въ домѣ поручика Кузьмина; Моршанское, въ домѣ секретаря Минина; Шацкое, въ домѣ купца Милованова, близь церкви; Елатомское, въ домѣ построенномъ для присутственныхъ мѣстъ. Открыто изъ сихъ училищь, первое главное въ опредѣленное, отъ главнаго училищь правительства, время, прошедшаго 1786 года въ день коронованія Ея Императорскаго Величества. А малыя училища сего 1787 года января 1 дня, съ котораго и начато ученіе по предписанному порядку.

§ 2.

Въ Тамбовскомъ училищѣ въ силу Высочайшаго устава, коимъ опредѣлено, чтобъ вездѣ въ губернскихъ городахъ существовали главныя училища, состоящія изъ четырехъ классовъ—находятся оные четыре класса; малые же училища, въ уѣздныхъ городахъ открытые, состоятъ изъ двухъ классовъ.

§ 3.

Учители въ Главномъ Училищѣ, тѣ самые четыре, кои присланы отъ главнаго училищь правительства, а имянно: Василій Роминскій, Савва Венедиктовъ, Лукіанъ Антоновъ и Василій Смирновъ, изъ коихъ первый предмѣтомъ имѣетъ математическія части, физику, россійской и латинскій языки, также и рисованіе, — въ третьемъ и въ четвертомъ классахъ. Второй, всеобщую и россійскую исторію, всеобщую и россійскую географію и естественную исторію, также въ третьемъ и четвертомъ классахъ. Третій, пространный катихизисъ, священную исторію, книгу о должностяхъ человѣка и гражданина, руководство къ чистописанію, первую часть арифметики, письмо и рисованіе,—во второмъ классѣ; изъясненіе Евангелія и пространный катихизисъ, съ доказательствами въ третьемъ классѣ. Четвертый, таблицы азбучныя, таблицы для складовъ, россійскій букварь, правила для учащихся, сокращенный катихизисъ, священную

исторію, начальныя основанія письма и руководство къ чистописанію - въ первомъ классѣ; послѣдуя точно всѣ, расположенія часовъ и учебныхъ предмѣтовъ въ таблицѣ устава приложенной. Учители же малыхъ училищь суть ученики, требованные отъ его превосходительства г. правителя Тамбовской губерніи Г. Р. Державина изъ духовныхъ семинарій Рязанской и Ломовской. Оныхъ шесть человѣкъ, а именно: Василій Михайловскій въ Лебедянскомъ, Николай Протопоповъ въ Шацкомъ, Василій Данковскій въ Моршанскомъ, Прохоръ Куликовскій въ Елатомскомъ, Афанасій Мизеровскій и Яковъ Половневскій въ Козловскомъ училищахъ находятся. Изъ сихъ учителей первые четыре, въ первомъ и во второмъ классахъ, изъ послѣднихъ Мизеровскій въ первомъ и Половневскій во второмъ, обучаютъ учебнымъ предмѣтамъ, тѣмъ самымъ каковые главнаго училища въ первомъ и во второмъ классахъ, кромѣ ученія Латинскаго языка, и съ тою при томъ отмѣною, что въ сихъ классахъ, по окончаніи первой части ариѳметики, начинается и оканчивается вторая. Учители какъ главнаго, такъ и малыхъ училищь всѣ почти изъ духовнаго состоянія, кромѣ учителя главнаго училища, втораго класса, который сынъ *подпрапорнаго*—всѣ природные россіяне. Учители главнаго училища имѣютъ аттестаты отъ семинарій, въ коихъ прежде учились, до требованія указомъ въ главное С.-Петербургское народное училище, для приготовленія себя къ учительской должности; учители изъ малыхъ училищь аттестаты имѣютъ какъ отъ семинарій, такъ и отъ директоровъ тѣхъ школъ, въ коихъ учились ариѳметикѣ и способу ученія. Жалованье получаютъ какъ тѣ, такъ и другіе, по штату главнаго и малыхъ училищь въ уставѣ приложенному. Всѣ учители въ должности своей рачительны и поведенія честнаго и похвальнаго.

§ 4.

Число учениковъ въ главномъ училищѣ въ началѣ сего 1787 года, при первомъ публичномъ испытаніи было 166

человѣкъ, при чемъ присутствующіе всякаго званія жители города, какъ родители дѣтей, такъ и посторонніе, видя успѣхи учениковъ и уваживъ при томъ пользу наукъ, впредь послѣдовать имѣющую, во всякомъ родѣ жизни ихъ дѣтей—съ большою охотою отдавать начали; такъ что при второмъ испытаніи, которое сего 1787 года іюля 9 и 10 дня, въ присутствіи его высокородія г. вице губернатора Михаила Ивановича Ушакова и другихъ особъ сего города было—собралось оныхъ учениковъ до 200 человѣкъ. Изъ малыхъ училищь: въ Козловѣ 60, въ Лебедяни 21, въ Моршанскѣ 43, въ Елатьмѣ 29, въ Шацкѣ 48 человѣкъ. А во всѣхъ и съ главнымъ училищемъ: 401 человѣкъ. Ученики въ главномъ училищѣ всѣ почти россіяне кромѣ двухъ, кои суть нѣмцы; въ малыхъ же всѣ россіяне Состоянія ученики во всѣхъ училищахъ разнаго, а именно: бѣдныхъ дворянъ, купеческіе, однодворческіе, солдатскіе, господскихъ служителей, и нѣкоторые изъ духовнаго состоянія. Всѣ они мальчики возрастомъ отъ 7 до 15 и 17 лѣтъ. Объ успѣхахъ учениковъ главнаго училища, кромѣ того, что мною примѣчено, могутъ свидѣтельствовать упомянутые два публичные и приватные испытанія, учиненные когда посѣщено было училище генералъ губернаторомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ И. В. Гудовичемъ и г. губернаторомъ Г. Р. Державинымъ, которые всѣ съ похвалою были отправляемы; успѣхи же учениковъ малыхъ училищь довольно примѣчены мною въ бытность мою въ показанныхъ училищахъ.

§ 5.

Книги какъ учительскія, такъ и ученическія въ главномъ и въ малыхъ училищахъ, суть всѣ тѣ, въ § 3 показанныя, изданныя по Высочайшему повелѣнію, для перваго и втораго классовъ. Книги же въ третій и четвертый классы потребныя, послику оныя, какъ то: исторія общая и россійская, географія общая и россійскаго государства,

россійская грамматика, архитектура—не присланы отъ главнаго училищъ правительства, то учители сихъ предметовъ ученикамъ диктуютъ, изъ письменныхъ своихъ книгъ, и послѣ пересматривая даютъ имъ наставленія, учиняемыя ими погрѣшности въ письмѣ исправлять.

У подлиннаго подписано: Директоръ Андрей Жоховъ.

Въ слѣдующей подобной же вѣдомости, посланной въ главное управленіе училищъ, 31 января 1788 года, находятся почти все тѣже свѣдѣнія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ составѣ и въ средствахъ училищъ. Затѣмъ въ вѣдомости сообщено, что 2, 3 и 4 января 1788 года, было испытаніе въ присутствіи губернатора и „другихъ знатныхъ „особъ, купечества и разнаго званія людей обоего пола.“ Публика задавала вопросы, въ особенности ариѳметическія задачи, и что при этомъ отличился ученикъ Михайло Ходукинъ. Губернаторъ отнесся къ успѣхамъ съ большой похвалой. Дабы уничтожить дурные слухи, ходившіе въ городѣ, губернаторъ „приглашалъ и прочихъ изъ посѣтителей вопрошать учениковъ, дабы вывести изъ сомнѣнія нѣкоторыхъ зрителей, полагающихъ будто ученики, въ нѣкоторыхъ только статьяхъ изъ учебныхъ предметовъ, на сей случай, нарочно были приготовлены; по порядочнымъ и правильнымъ рѣшеніемъ задаваемыхъ посторонними вопросовъ и задачь, сіе сумнѣніе истребилось и публика совершенно удостовѣрилась, о стараніи учителей и успѣхахъ учениковъ.„

Затѣмъ въ той же вѣдомости доносится, что главное училище перешло во вновь построенное казенное зданіе, близъ присутственныхъ мѣстъ, въ Покровской части, на Астраханской улицѣ, близь церкви Покрова Богородицы.

Затѣмъ въ донесеніи директора Жохова за весь 1788 годъ (помѣченное 25 января 1789 года, т. е. когда Державинъ выѣхалъ уже въ Москву, отрѣшенный отъ должности) находится снова тотъ же перечень учителей, учениковъ, книгъ и т. д. Въ этихъ вѣдомостяхъ, мы находимъ странный фактъ уменьшенія числа учениковъ. Вотъ цифры всѣхъ трехъ вѣдомостей.

	Въ началѣ 1787 года.		Въ концѣ 1787 г.		За 1788 годъ.	
Въ Козловскомъ училищѣ	60	учен.	56	учен.	33	учен.
Въ Лебедянскомъ —	21	—	46	—	40	—
Въ Моршанскомъ —	43	—	46	—	29	—
Въ Елатомскомъ —	29	—	18	—	11	—
Въ Шацкомъ —	48	—	48	—	20	—
Всего въ малыхъ училищахъ. —	201	—	214	—	133	—
Въ Главномъ училищѣ. —	200	—	152	—	148	—
Всего въ Тамбовской губерніи. —	401	—	366	—	281	—

Эти цифры ясно доказываютъ: 1) что при каждомъ выпускѣ, число выходившихъ превышало число вновь вступавшихъ въ школы или 2) что публика встрѣтившая открытіе школъ сочувственно – понемногу охладѣла къ нимъ, или наконецъ 3) что при открытіи вступило, такъ сказать, все накопившееся число не грамотныхъ отъ 7-ми и до 17 лѣтъ. Впослѣдствіи же, — послѣ очистки выпусками всего этаго числа — сталъ поступать только годовой процентъ дѣтей въ первые классы училищъ. Къ несчастію, вѣдомостью за 1788 годъ, кончаются свѣдѣнія о школахъ и каково было ихъ послѣдующее состояніе — неизвѣстно.

Въ той же послѣдней вѣдомости есть указаніе о введеніи обычая награждать лучшихъ учениковъ отличившихся „успѣхами и благонравіемъ“ учебными книгами, имена второстепенныхъ хорошихъ учениковъ читались въ присутствіи посѣтителей на испытаніяхъ.

Въ концѣ вѣдомости находимъ доказательство, что хлопоты Державина объ пансіонахъ не принесли желаемаго результата. Въ донесеніи Жохова сказано: „Пенсіоновъ и домашнихъ училищъ, какъ въ губернскомъ Тамбовѣ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ ненаходится“

Къ этой же вѣдомости приложена длинная записка или лучше сказать, нѣчто въ родѣ хроники крупнѣйшихъ событій въ школахъ. Изъ этой хроники мы узнаемъ, что въ 1788 году, Державинъ завелъ въ главномъ училищѣ учителя церковнаго пѣнія. нѣкоего Журавченко (чиновника) съ жалованьемъ 150 руб. съ помощникомъ за 8) руб. жалованья, но такъ какъ этотъ помощникъ, пѣвчій архіерейскій Антипъ Травинъ, не являлся въ училище шесть мѣсяцевъ, то и былъ отрѣшенъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ была доставлена отъ приказа общественнаго призрѣнія электрическая машина однако „безъ всякихъ къ ней принадлежностей“ и слѣдовательно стояла безъ пользы въ училищѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ городской лѣкарь Кирила Андреевичъ Лимпеліусъ пожертвовалъ магнитъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ Державинъ, бывавшій часто въ училищѣ, пріѣзжалъ исключительно за тѣмъ, чтобы осмотрѣть штукатурную работу,—это доказываетъ какъ Державинъ заботился объ училищѣ и входилъ самъ даже въ мелочи до него касающіяся.

Въ томъ же мѣсяцѣ пріѣзжавшій Гудовичъ, былъ вмѣстѣ съ Державинымъ въ училищѣ „и учинено было приватное испытаніе учениковъ во всѣхъ четырехъ разрядахъ.“

Въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Тамбовъ, для ревизіи училища, главный начальникъ всѣхъ народныхъ училищъ Имперіи Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. Вмѣстѣ съ губернаторомъ, съ многочисленной публикой, явился онъ въ училище и сдѣлалъ экзаменъ во всѣхъ классахъ. На сколько цифра учениковъ колебалась даже ежемѣсячно, видно изъ того, что при посѣщеніи Козодавлева, учениковъ было въ главномъ училищѣ 169 человѣкъ. къ концу же года было 148. Послѣ экзамена пѣвческій классъ пропѣлъ „начальныя основанія нотнаго пѣнія и кантъ.“ Козодавлевъ остался крайне доволенъ и обѣщалъ объ томъ „засвидѣтельствовать вышней командѣ.“

Въ августѣ баталіонный лѣкарь Друговъ пожертвовалъ въ училище „двѣ штучки натуральныхъ тѣлъ, изъ „коихъ одинъ родъ восточнаго хрусталя, а другой—само„родный железный купоросъ.“

Въ се тябрѣ мѣсяцѣ, подполковникъ Николай Ивановичъ Свѣчинъ сдѣлалъ самое дѣльное изъ всѣхъ, пожертвованіе въ училище и вдобавокъ отчасти новинку, а именно:—нѣсколько экземпляровъ сочиненій Ломоносова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подарилъ магнитъ въ желѣзной оправѣ, на подобіе подковы. З тѣмъ неизвѣстно кѣмъ прислана была астролябія, но безъ магнитной стрѣлки. Затѣмъ нѣсколько экземпляровъ сочиненія: *Нума Помпилій*

Въ числѣ множества книгъ, присланныхъ въ этомъ году изъ приказа общественнаго призрѣнія, находятся и географическія карты числомъ 15, пять плоскошарій, и картъ Америки, сѣверной—5 и южной - 5. До того времени Америка въ училищѣ игнорировалась. По каталогу выписываемыхъ учебныхъ книгъ видно, что требованіе на нихъ было довольно разнообразно и колебалось между цифрою 20 и 80. Нѣкоторые же книги требовались въ несравненно большемъ размѣрѣ. Такъ ариѳметикъ получено 200 каждой части, ито-

го 400. Священныхъ исторій 349 экземпляровъ. Книгъ о должностяхъ человѣка и гражданина, ученическихъ 294, что равнялось спросу на руководства къ чистописанію (300 экземпляровъ) и превышало спросъ на букварь (250 экземпляровъ); за то руководствъ въ физикѣ и механикѣ—требовалось по 20 экземпляровъ.

Другъ Державиныхъ, княгиня Варвара Васильевна Голицына (Зубриловская), племянница князя Таврическаго, о которой мы упоминали уже не разъ—тоже пожертвовала въ училище „собраніе кремнистыхъ породъ камней изъ коихъ примѣчанія достойны, какъ рѣдкостію такъ и величиною, топазовые, калцедоновые, сердоликовые.“

Затѣмъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 28 и 29 числа, было испытаніе учениковъ, интересное только тѣмъ, что на немъ присутствовали вмѣстѣ Гудовичъ и Державинъ—уже заклятые враги, и въ то самое, слѣдовательно, время, когда жалобы и доносы Гудовича были уже въ Петербургѣ и когда Державинъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности губернатора, но вѣроятно указъ объ этомъ еще не дошелъ до Тамбова. При испытаніи этомъ, учениковъ оставалось уже только 148 человѣкъ, слѣдовательно съ іюня уменьшилось на 21, въ промежутокъ же не было выпуска. Вообще колебаніе числа учениковъ объясняется самимъ директоромъ Жоховымъ слѣдующимъ образомъ:

„Сіе число (учениковъ) иногда увеличивалось, иногда „уменьшалось. Все сіе происходило по волѣ ихъ родителей, „опекуновъ и господъ, которые какъ представляли въ училище, такъ и брали, по своему произволенію. Многіе для „употребленія на собственныя услуги, а нѣкоторые для опредѣленія въ государственныя должности.“

Надо думать что большинство публики, родителей и помѣщиковъ относилось сочувственно и признавало пользу обученія въ первыхъ классахъ, но когда дѣло доходило до

исторій общей и россійской, до механики, до натуральныхъ тѣлъ и фигуръ и до латинскаго языка, то родители, а въ особенности господа, спѣшили взять ученика обратно, или для опредѣленія въ службу, на жалованье, или къ себѣ въ дворовые, или наконецъ за прилавокъ, если то были купцы.

Прибавимъ, что во многихъ дѣлахъ есть указанія, что въ народныхъ училищахъ былъ весьма малый, сравнительно, процентъ дворянъ и то исключительно дѣти бѣдныхъ дворянъ; самый большой процентъ состоялъ изъ мѣщанскихъ и солдатскихъ дѣтей.

Въ нѣкоторыхъ нарядахъ есть указанія на то, что семинаристы, присланные изъ Рязани и изъ Ломова и вступившіе въ четвертый классъ главнаго училища въ Тамбовѣ, — приглядывались къ порядку обученія въ младшихъ классахъ, со дня открытія по 1 января 1787 года, и затѣмъ поступили учителями въ малыя училища уѣздныхъ городовъ; но изъ этаго невозможно прямо заключить, что 4-й классъ былъ исключительно *приготовительнымъ учительскимъ*. Это было простымъ исключеніемъ. Нельзя утверждать, что всѣ переходившіе въ послѣдствіи въ 4-й классъ ученики, постоянно готовились въ немъ собственно къ учительской должности. Разумѣется однако, что ученикъ, окончившій въ главномъ училищѣ полный курсъ, могъ быть принятъ учителемъ въ малое училище.

1787 годъ ознаменованъ для Державина непріятностью по управленію, которая надѣлала ему хлопотъ и была началомъ ссоры съ нѣкоторыми изъ его сослуживцевъ. Дѣло заключалось въ плутовствѣ того же намѣстническаго правленія и героемъ плутовства является, уже знакомый намъ подрядчикъ кирпича, тотъ же купецъ Матвѣй Бородинъ.

Державинъ въ своихъ запискахъ относитъ это дѣло къ исходу 1787 года, тогда какъ спѣшное и краткое письмо, которымъ онъ извѣщаетъ объ этомъ случаѣ Гудовича, помѣчено имъ такъ: *31 декабря (по полудни 10-й часъ 50 минутъ) 1786 г.* Иначе сказать оно писано подъ новый годъ, за часъ до его наступленія. Надо взять во вниманіе, что записки были писаны подъ диктантъ уже 65 лѣтняго старика, который могъ, да и долженъ былъ, забыть мелкія подробности своей служебной жизни.

Купецъ Матвѣй Бородинъ, о которомъ снова приходится говорить, былъ типомъ умнаго, ловкаго и оборотливаго малаго тѣхъ временъ, который, зная и понимая всю слабость тогдашней администраціи и всю нравственную шаткость ея представителей, умѣлъ дружиться съ сильными того міра и времени, и обманывая высшихъ чиновниковъ при помощи низшихъ, обманывалъ и проводилъ въ концѣ концевъ и этихъ послѣднихъ. Онъ былъ или положительно очень богатъ и ворочалъ большими суммами и капиталами, или же въ дѣйствительности имѣлъ маленькія средства, но съумѣлъ прослыть въ мѣстности за перваго капиталиста. Во всякомъ случаѣ, при всякомъ денежномъ дѣлѣ, предпріятіи, подрядѣ появлялся снова Бородинъ и дѣло всегда кончалось плутовствомъ. При контрактахъ онъ являлся владѣльцемъ сотней и тысячей; при поступленіи же на него незначительнаго векселя и при описи имѣнія оказывался безъ всякихъ средствъ. Всего интереснѣе, что послѣ отказа его платить по ничтожному векселю, послѣ объявленной и очевидной несостоятельности, онъ снова появляется подрядчикомъ, капиталистомъ, и не знаешь чемъ приписать этотъ фактъ, наивности ли администраціи и общества, или его личной ловкости и умѣнью обернуться. Во всякомъ случаѣ это типическая личность, рисующая тогдашнее время и нравы.

Взявъ подрядъ кирпича (о которомъ мы уже говорили) и которымъ Бородинъ обманулъ впослѣдствіи намѣстническое

правленіе, онъ является откупщикомъ, и вѣроятно, за одно съ вице-губернаторомъ Ушаковымъ и совѣтниками правленья повелъ дѣло такъ ловко и быстро, что, сдѣлавъ контрактъ по которому казна теряла до 30,000 р. въ годъ, и непредставивъ никакаго залога и никакаго свидѣтельства о своихъ средствахъ, получилъ откупъ по разрѣшенію самаго Гудовича, по помимо губернатора. Все это было сдѣлано, по словамъ Державина, тремя лицами—Бородинымъ, Ушаковымъ и Лабою, секретаремъ Гудовича.

Кондиціи и разрѣшеніе Гудовича пришли подъ новый годъ. Державинъ не могъ остановить сдачи откупа, иначе его самаго вовлекли бы въ цѣлый лѣсъ приказныхъ крючковъ и тяжебныхъ ябедъ. Онъ разсудилъ остаться въ сторонѣ, сдѣлавъ такое постановленіе, что въ случаѣ чего-либо, во всемъ отвѣчалъ бы самъ Гудовичъ. Бородинъ принялъ откупъ, объявя 10,000, но не уплатя ни копѣйки и три мѣсяца не платилъ ничего. Вдругъ появилось на него взысканіе въ три тысячи рублей; онъ отказался платить и тогда приступили къ описи имущества его, котораго найдено всего на сумму 1176 р. 50 к. Вѣроятно, что онъ владѣлъ гораздо большими суммами, но умѣлъ ихъ скрывать.

Державинъ могъ оставить Бородина откупщикомъ, ибо отвѣтственность въ обманѣ падала не на него, но онъ не захотѣлъ молчать и послалъ жалобу въ Сенатъ, жалоба эта задѣвала администрацію и общество, друзей Ушакова и друзей Бородина, и наконецъ въ ней были задѣты какъ самъ генералъ-губернаторъ Гудовичъ, такъ и его секретарь Лаба. Дѣло это тянулось, какъ и многія другія дѣла и въ концѣ концовъ не имѣло ни какаго результата. Забавно, что на торгахъ по содержанію виннаго откупа на 1788 годъ явился кандидатомъ Матвѣй Бородинъ, по той же причинѣ, что его плутовство за 1787 годъ было еще не доказано, ибо рѣшеніе сената еще не приходило. Друзья Державина по этому дѣлу

отнеслись къ его поступку, какъ къ большой ошибкѣ и неосторожности его горячаго нрава и вообще какъ къ Донъ-Кихотизму.

Ясно, что послѣ этаго случая, лагерь враговъ Державина въ Тамбовѣ увеличился и отношенія его съ Гудовичемъ измѣнились къ худшему.

Вслѣдъ за дѣломъ Бородина явилось другое, которое повело къ окончательному разрыву. Здѣсь Державинъ дѣйствительно погорячился и въ этотъ разъ на его дѣйствіяхъ лежитъ уже печать служебнаго гнѣва и замѣтно желаніе отомстить врагамъ, поставить на своемъ, чтобъ показать свою власть.

Однажды во время Турецкой войны, явился къ правителю губерніи Воронежскій купецъ Гарденинъ съ открытымъ ордеромъ ко всѣмъ губернаторамъ отъ князя Потемкина Таврическаго, какъ главнокомандующаго Украинской арміей. Въ ордерѣ былъ приказъ помогать Гарденину, какъ провіантскому коммисіонеру въ покупкѣ и въ поставкѣ хлѣба на армію.

Потому-ли, что Державинъ зналъ лично и любилъ Потемкина, и одолжить князя для него было особенно пріятно, или хотѣлъ услужить фавориту и тѣмъ выиграть,— трудно сказать. Вѣроятно, и то и другое вмѣстѣ заставило его войти въ борьбу съ многочисленными и болѣе сильными врагами, что кончилось для Гавріила Романовича очень дурно, т. е. было причиной его удаленія изъ Тамбовскаго намѣстничества.

Купецъ Гарденинъ представилъ Державину помимо ордера къ нему, еще открытый указъ сената казеннымъ палатамъ, объ отпускѣ Гарденину, какъ коммисіонеру, безъ задержанія ассигнованныхъ на воинскій департаментъ суммъ.

Гарденинъ объяснилъ, что онъ сторговалъ уже много хлѣба у сосѣднихъ помѣщиковъ, далъ задатку 50.000 руб.

и долженъ по уговору при полученіи хлѣба уплатить всю остальную сумму, или отказаться отъ хлѣба и потерять задатокъ. Срокъ поставки, назначенный по вскрытіи рѣки Вороны, приближался и Гарденинъ боялся опоздать, такъ какъ выдача денегъ должна была быть совершена изъ казенной палаты. Державинъ отослалъ Гарденина къ вице-губернатору Ушакову, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ казенной палаты. Ушаковъ, бывшій въ то время съ Державинымъ, какъ говорится *„на ножахъ“*, неизвѣстно почему, отказался на отрѣзъ, объявивъ, что провіантскихъ суммъ въ палатѣ нѣтъ ни какихъ. Державинъ снова отослалъ Гарденина съ просьбой—за неимѣніемъ вышеупомянутыхъ суммъ, выдать нужныя деньги коммисіонеру арміи, взявъ заимообразно изъ другихъ суммъ съ тѣмъ, что бы впослѣдствіи замѣстить ихъ. Ушаковъ отвѣчалъ, что суммъ вообще нѣтъ ни какихъ, и въ тотъ же день выѣхалъ нарочно изъ города въ Липецкъ, подъ предлогомъ указа сената предписывающаго осмотръ тамошняго винокуреннаго завода. Гарденинъ былъ въ отчаяніи. Державинъ очевидно разсерженный непослушаніемъ понималъ, что единственная причина, руководившая поступками Ушакова, была — личныя ссоры и личная месть за прошлое столкновеніе по дѣлу откупщика Бородина. Вмѣсто того, чтобъ оставить это дѣло, за которое ни Гарденинъ, ни самъ онъ, отвѣчать не могли, ибо прямымъ отвѣтственнымъ лицемъ явился бы самъ Ушаковъ, Державинъ призвалъ тотчасъ же къ себѣ стряпчаго казенной палаты, и какъ губернаторъ приказалъ подать себѣ вѣдомость о всѣхъ суммахъ, находящихся въ палатѣ. Стряпчій отвѣчалъ, что губернскій казначей и члены палаты не могутъ исполнить этого требованія за отсутствіемъ вице-губернатора.

Державинъ былъ, вѣроятно, разгорячемъ этой административной войной и увлекся. Призвавъ коменданта Булдакова и составивъ коммисію изъ него, совѣтника правле-

нія и секретаря, приказалъ немедленно (насильственнымъ образомъ) обревизовать всѣ имѣющіяся суммы. Въ то же время, онъ послалъ обо всемъ случившемся рапортъ въ сенатъ. Безпорядокъ конечно былъ найденъ полный. Суммы были большей частію размѣщены безъ записи, нѣкоторыя розданы въ займы безъ процентовъ и безъ обезпеченія; коммиссаріатскихъ и провіантскихъ суммъ, которыя именно и просилъ Гардениnъ, оказалось около 200,000; записная книга была бѣлая, или пуста; наконецъ неизвѣстныя суммы разложены были по разнымъ коробкамъ у чиновниковъ. Всего оказалось въ безпорядкѣ болѣе 500,000 руб. Назначенной губернаторомъ коммиссіей былъ составленъ актъ и объ всемъ посланы—вторичный рапортъ въ сенатъ, а другой къ генералъ-губернатору.

Все это происходило предъ страстной недѣлей. Въ Вербное воскресенье, жена Державина открыла чрезъ своихъ гостей заговоръ противъ мужа, заключавшійся въ томъ, что палата послала уже въ сенатъ рапортъ съ своей стороны на насиліе и притѣсненіе губернатора, и доказывала ложное содержаніе его рапорта о найденныхъ безпорядкахъ. Однимъ словомъ, начиналась ябеда, взаимные оговоры, клеветы и полная административная война. Державинъ, немедля, на страстной же недѣлѣ, созвалъ къ себѣ почти всѣ мѣстныя власти: предсѣдателей палатъ гражданской и уголовной – двухъ Чичериныхъ, директора экономіи Аничкова, замѣнявшаго Ушакова, казначеевъ, членовъ палаты, присяжныхъ, губернскаго прокурора Хвощинскаго, комендантa и другихъ свидѣтелей ревизіи суммъ, и при всѣхъ дѣлалъ допросъ бывшей коммиссіи: какой найденъ былъ безпорядокъ и въ чемъ заключались притѣсненія и обиды, нанесенныя чиновникамъ казначейства. Вся претензія ограничилась показаніемъ однаго чиновника, который заявилъ, что комендантъ Булдаковъ при ревизіи суммъ толкнулъ его тростью въ спину и сказалъ: „ну, поскорѣе отпирай и вынимай, что у тебя тамъ есть.“

Въ этомъ собраніи былъ снова составленъ актъ и отправленъ снова въ сенатъ и къ генералъ-губернатору. Но Гудовичъ былъ уже на сторонѣ враговъ Державина со времени дѣла объ откупѣ, и теперь окончательно (настроенный, вѣроятно, своимъ секретаремъ Лабою) вооружился противъ губернатора. Онъ въ то же время — послалъ жалобу въ сенатъ на своевольство Державина и превышеніе имъ власти.

Сенатъ, гдѣ у Гудовича было больше друзей, чѣмъ у Державина, прислалъ указъ выдать Гардепину требуемыя деньги, но сдѣлать выговоръ губернатору за то, что онъ мѣшается не въ свое дѣло; что касается до распри между нимъ и казенной палатой, то указъ предписывалъ Гудовичу на мѣстѣ „безпорядокъ исправить.“ Въ то же время пришло рѣшеніе и объ откупѣ, т. е. о купцѣ Бородинѣ, Ушаковѣ и Лабѣ; указъ все оставлялъ по старому — разрѣшалъ и утверждалъ.

Гудовичъ явился въ Тамбовъ для исполненія сенатскаго указа, и здѣсь произошла между нимъ и Державинымъ окончательная ссора, послѣ которой они уже остались врагами на всю жизнь. Дѣло доходило даже до крупныхъ разговоровъ причемъ Гудовичъ кричалъ, что „Державинъ долженъ исполнять безпрекословно всѣ его повѣленья какъ-бы Императорскаго Величества, что онъ совѣтникъ....“ Державинъ отвѣчалъ, что „онъ правитель губерніи, а не совѣтникъ.“ Эта сцена живо представляется глазамъ и конечно, не была странна въ то время.

Гудовичъ сталъ посылать жалобы за жалобами, гдѣ взводилъ на Державина всякія нелѣпости. Державинъ обратился за помощью къ своимъ друзьямъ. Писалъ подробно о случившемся въ Москву и въ Петербургъ, даже въ лагерь подъ Очаковымъ - къ правителю канцеляріи князя Потемкина, В. С. Попову и затѣмъ и къ самому князю. Голицы-

на (Зубриловская), какъ племянница Потемкина, писала тоже, прося за своего друга, пострадавшаго, такъ сказать, изъ-за него и ради интересовъ его арміи. Мужъ ея, тогда бывшій при Потемкинѣ въ Очаковѣ, тоже хлопоталъ за Державина.

Друзья Державина не оправдывали его поступковъ. — Другъ его Львовъ пишетъ: „Вижу въ немъ (въ письмѣ къ нему Державина) твое героическое намѣреніе, но не очень его понимаю. Курціусу хорошо было одному въ яму прыгнуть: спасеніе отчизны его отъ того зависѣло.“

Васильевъ изъясняется болѣе просто:

„Не выдавала казенная палата деньги коммиссіонеру, присланному изъ Екатеринославля (т. е. Гардениму), она бы за то и отвѣчала.... Тутъ можно сказать, что вы входите въ распоряженія другаго и вовсе не принадлежащаго дѣла.“

Что касается до освидѣтельствованія коммиссіей всѣхъ суммъ, о которомъ, очевидно, сообщалъ ему Державинъ, то вотъ мнѣніе того же Васильева, тоже характеризующее тогдашній взглядъ на служебныя обязанности:

„Коммиссія объ освидѣтельствованіи казенной палаты еще больше можетъ вамъ нанести нареканія; ежели откроетъ что-либо по свидѣтельству, то скажутъ, что вы по ненависти и мщенію оное сдѣлали, ибо тутъ дѣло уже идетъ до чести; буде же ни чего не откроется, то еще больше скажутъ—что придирка, и отнесть могутъ оную къ той же причинѣ....“ Далѣе Васильевъ прибавляетъ, что онъ говоритъ это не изъ дружбы съ Ушаковымъ, а изъ любви къ Державину, потому.... „Чтобъ не говорили, что вотъ человѣкъ нигдѣ не уживется; буде не съ начальникомъ, то съ подчиненными заводитъ разные раздоры!“

Дѣйствительно это было общее мнѣніе объ Державинѣ, которое раздѣляла и сама Императрица. Послѣ трехъ исторій — сначала съ княземъ Вяземскимъ, затѣмъ въ Петрозаводскѣ съ генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ и наконецъ въ Тамбовѣ съ Гудовичемъ — Державинъ прослылъ за человѣка съ неуживчивымъ, горячимъ и крутымъ нравомъ.

Въ эту пору Тамбовское общество, очевидно, раздѣлилось на два лагеря: враговъ и друзей губернатора. Результатъ этого положенія скоро оказался. Жена Державина была однажды въ гостяхъ у Араповыхъ тамъ же была и жена Чичерина — предсѣдателя гражданской палаты и друга Ушакова. Между женами вышла ссора и вѣроятно, было много сказано съ той и съ другой стороны. Старые люди еще помнятъ, какъ наши пробабушки ссорились и что тогда подъ-часъ случалось. Что именно произошло у Араповыхъ въ гостяхъ, неизвѣстно; въ запискахъ Державина не упоминается объ этой ссорѣ ни слова. Изъ переписки видно, что Екатерина Яковлевна Державина даже заболѣла послѣ этого происшествія, вѣроятно съ горя или досады. Во всякомъ случаѣ эта ссора подлила масла въ огонь. Новая жалоба на губернатора и его жену былъ отправлена на Высочайшее Имя, подписанная Чичеринымъ. Въ чемъ она заключалась — видно изъ объяснительнаго, по этому поводу, письма Державина къ графу Безбородко.

„3-е іюля, 1783 года“.

„Сіятельнѣйшій графъ, м. г. воздерживался я безпокоить в. с. по здѣшнимъ обстоятельствамъ горестными моими письмами, зная обремененіе ваше государственными дѣлами; но, будучи много оскорбленъ людьми дурными и безчестными, прерываю терпѣніе и яко къ благодѣтелю моему прибѣгаю къ помощи и защищенію“.

„Учинилось мнѣ извѣстно, а притомъ изъ приложенной здѣсь бумаги подъ № 1 видно, что отъ председателя здѣшней гражданской палаты, Чичерина, послана Ея Императорскому Величеству на жену мою жалоба. Какого она точно содержанія, я не знаю; но ежели разсѣянному вѣрить слуху, то состоитъ она въ клеветѣ, что якобы жена моя его, Чичерина, жену въ компаніи у дворянина Арапова не токмо бранила, но даже била, и выгнала вонъ. Я не буду въ защищеніе говорить того, что жена моя воспитана въ Петербургѣ, что поведеніе ее извѣстно многимъ знатнымъ особамъ, которое никогда мнѣ стыда не приносило; слѣдовательно и не могла она быть столько буйною чтобъ еще и въ чужомъ домѣ браниться и драться Не буду я также подробно изъяснять того, какое въ самомъ дѣлѣ случилось происшествіе съ женою моею въ домѣ Арапова и не была ли она болѣе обижена Чичериною, яко женщиною довольно многимъ по ея злоязычеству и наглости извѣстною, пріѣхавшею съ многою своею партіею въ домъ Арапова, гдѣ была жена моя одна, и принудивши ее своими придирчивыми вопросами къ разговору; изъ чего хотя и произошла между ними размолвка, ничего однако не пристойнаго не было, что могутъ хозяинъ и хозяйка и многіе тутъ бывшіе по присягѣ засвидѣтельствовать; что жена моя, будучи заведена въ отраженіе Чичериной привязокъ, повторяла ей только тѣ самыя истины, которыя не задолго предъ тѣмъ мужу ея въ домѣ моемъ, чтобъ онъ унялъ жену свою злорѣчить и лгать, выговорены были. Словомъ, только то донесу: ежели-бы и въ самомъ дѣлѣ жена моя забыла всю пристойность и обидѣла столь несносно Чичерину, что стоило то утруждать всемилостивѣйшую государыню; презря при томъ благодѣянія, разстроенному его Чичерина, дому, мною и женою моею оказанныя, отъ которыхъ онъ, яко отъ весьма гласныхъ, отрещися не можетъ; то какъ сіе случилось въ бытность въ Тамбовѣ Ивана Васильевича а потому и должна была жалоба прежде дойти

до него; ибо хотя проистекла она не изъ чего инаго какъ изъ бабьихъ дрязговъ, но когда уже вступился мужъ и простиралъ жалобу свою даже до престола, слѣдовательно она, яко уже важное дѣло, должна быть производима своимъ порядкомъ, отъ разбирательства которой и отъ прекращенія ссоры, яко главный начальникъ въ городѣ, не долженъ былъ отказаться Иванъ Васильевичъ. Если же она доходила до него, то что по ней сдѣлано? Не былъ ли я въ непристойномъ поступкѣ жены моей убѣжденъ свидѣтельствомъ? Не были ли употреблены средства къ примиренію? Не пренебрегъ ли я посредничества начальника, къ чему его обязывали законы, и не сдѣлался ли я ему ослушнымъ и упорнымъ въ законномъ дѣлѣ? Ежели же ничего этого не было, то для чего же г. Чичеринъ, будучи предсѣдатель, вѣдающій законы, принесъ жалобу свою чрезъ начальство и мѣста учрежденныя, прямо ко всемилостивѣйшей Государынѣ, а особливо по столь неважному дѣлу, что весьма запрещаютъ законы? Когда же была принесена отъ него жалоба Ивану Васильевичу и я начальническое посредничество его, предписанное къ прекращенію ссоръ всемилостивѣйшимъ манифестомъ, презрѣлъ и его не послушался, то кажется, тогда уже самому Ивану Васильевичу, а не Чичерину должно было довести до свѣдѣнія престола мою строптивость, мой безпокойный и горячій нравъ, которымъ, будучи не въ состояніи ничего другаго къ безславію моему сказать, меня упрекаютъ, что я далъ волю женѣ своей обидѣть благородную женщину, и яко начальникъ разрушилъ тѣмъ спокойствіе общества и т. п. Личную же обиду Чичериной предоставить бы отыскивать гдѣ должно по законамъ, и мужа ея отъ таковой дерзновенности приносить прямо къ престолу жалобы воздержать; ибо, чаятельно, нигдѣ и въ непросвѣщенныхъ народахъ того не водится, чтобъ женскія сплетни разбирали императоры. Но я въ пользу Ивана Васильевича убѣждаю себя вѣрить, что столь неосновательная жалоба простерта къ Ея Императорскому Ве-

личеству безъ его свѣдѣнія, хотя она и въ бытность его въ Тамбовѣ отправлена на почту и хотя при сочиненіи ея былъ его секретарь; но можетъ быть, что онъ про нее и не вѣдалъ, которую конечно, ежелибы отъ Чичерина о неудовольствіи его былъ я извѣщенъ, безъ возможнаго бъ удовлетворенія и безъ посредства Ивана Васильевича не оставилъ. Про ссору же, между дамъ случившуюся, лично отъ меня и отъ хозяина Иванъ Васильевичъ зналъ, и какъ ничего уваженія достойнаго въ ней не заключалось, и я, имѣя болѣе права быть въ неудовольствіи за неуваженіе жены моей, но перенесъ сію исторію сколько можно холодно, посмѣявшись только на счетъ обѣихъ соперницъ, то и думалъ, что она дальнѣйшихъ слѣдствій имѣть не будетъ. Но какъ совсѣмъ противное тому теперь открывается, то и осмѣливаюсь в-му сіят-ву яко благодѣтелю моему, въ защищеніе мое и чести жены моей представить слѣдующія причины, изъ коихъ, какъ я предполагаю, произошла та жалоба: 1) изъ приложенной при семъ бумаги подъ № 2, изволите увидѣть, что требовано было, по предложенію моему, отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и отъ гражданской палаты, дабы деньги, слѣдующія въ казну отсыланы были помѣсячно для храненія въ уѣздное казначейство. Сіе г. Чичерину не полюбилось и принято за притѣсненіе для того, что онъ забиралъ казенныя деньги и пользовался ими, что изъ приложенной при семъ бумаги подъ № 3, нѣкоторою частію усмотрѣть изволите; ибо не столько забрано было денегъ, но несравненно болѣе; но когда я свидѣтельствовалъ казну въ казенной палатѣ, то оныя и внесены безъ огласки въ свое мѣсто; 2) изъ бумаги подъ № 1, кромѣ разсѣваемыхъ вредныхъ чести и непорочности моей слуховъ о лихоимствѣ, чего я, не будучи и тѣнію прикосновенъ, нимало не ужасаюсь — видно, что жалоба Чичерина сочинена сыномъ его въ общѣ (sic) съ вице губернаторомъ, экономіи директоромъ, совѣтникомъ казенной палаты Макѣевымъ, и секретаремъ генералъ гу-

бернатора Лабою; изъ чего и слѣдуетъ что соединенная ихъ партія во основаніе свое имѣла не иное что, какъ недоброжелательство и злобу. дабы меня чѣмъ нибудь замарать за исполненіе долга моего свидѣтельствомъ въ вѣдомствѣ казенной палаты денегъ, и что о найденныхъ тамъ не порядкахъ и похищеніяхъ довелъ я до свѣдѣнія пр. Сената; ибо мнѣ уже другаго средства не оставалось пресѣчь небреженіе обязанности палаты, въ сохраненіи казны, яко должности лично со мною сопряженной, за что непосредственно могъ я подвергнуться подъ взысканіе, которое свидѣтельство, учиненное моими уполномоченными, также подборнымъ и тайнымъ опредѣленіемъ казенной палаты, г. вице-губернаторъ хотѣлъ опровергнуть, о чемъ пространно донесено пр. Сенату. Словомъ, я и сію Чичерина жалобу предполагаю болѣе проистекшею отъ него же г. вице-губернатора, дабы и чрезъ стороннія руки представить меня притѣснителемъ всѣхъ со мною сослужащихъ и очернить характеръ мой и даже жены моей, и тѣмъ возбудить сожалѣніе о своей мнимой невинности, прикрыть свои непорядки, представить меня несноснымъ и тѣмъ самымъ, какъ ему давно желается, очистить себѣ мѣсто правителя.....“ и т. д.

Помимо гр. Безбородко, Державинъ разослалъ нѣсколько копій съ этого письма—своимъ знакомымъ.

Въ сентябрѣ былъ полученъ въ Тамбовѣ указъ сената, требовавшій отъ Державина объясненій на другую жалобу, поданную генералъ-губернаторомъ, въ которой онъ обвинялся, между прочимъ въ томъ, что накопилъ недоимку, что онъ взяточникъ, что въ присутствіи Гудовича въ намѣстническомъ правленіи не исполняетъ его распоряженій, и наконецъ въ числѣ многихъ вымысловъ, которыми была переполнена эта жалоба, генералъ-губернаторъ обвинялъ Державина, что однажды онъ его (т. е.) генералъ-губернатора *„за воротъ тащилъ въ правленіе“*

Державину не трудно было немедленно отвѣчать на этотъ, по его выраженію, *сумбуръ*, но онъ понялъ, что собственный его отвѣтъ не будетъ имѣть ни какаго значенія, что дѣло станутъ все-таки разбирать на основаніи справокъ, которыя велятъ собрать на мѣстѣ самому же Гудовичу. По этому, не объявивъ сенатскаго указа въ правленьи, Державинъ призвалъ чиновниковъ и объяснилъ имъ, что по одному постороннему дѣлу, нужно собрать оффиціальнымъ порядкомъ справки, требуемыя сенатомъ. Когда справки были собраны и подписаны совѣтниками правленія, то Державинъ отослалъ ихъ въ сенатъ. Такимъ образомъ клевета Гудовича была опровергнута его же подчиненными. По нимъ оказалось, что прежняя большая недоимка была собрана. Что въ присутствіи правленія губернаторъ не могъ ослушаться генералъ-губернатора, ибо этотъ послѣдній *никогда* въ Тамбовскомъ намѣстническомъ правленіи не былъ и что за воротъ тоже его конечно не тащилъ.

Затѣмъ уже Державинъ объявилъ всѣмъ указъ сената. Прокуроръ и совѣтники, видя, что дали справки, опровергающія жалобу Гудовича, струсили и дали ему знать обо всемъ; генералъ-губернаторъ, отвѣчалъ приказомъ не давать справокъ, но было уже поздно. Тогда Гудовичъ послалъ новую жалобу въ сенатъ на то, что Державинъ, собраніемъ справокъ чрезъ совѣтниковъ, какъ-бы отдалъ его подъ судъ намѣстническаго правленія.

Благодаря этой жалобѣ Гудовича, друзья его въ сенатѣ прибѣгнули къ хитрости: не принявъ справокъ Державина за отвѣтъ, сдѣлали видъ, что отъ него отвѣта и объясненій на указъ нѣту и что онъ слѣдовательно виноватъ въ промедленіи. На этомъ основаніи родственникъ и другъ Гудовича, графъ Завадовскій доложилъ Императрицѣ, что Тамбовскій губернаторъ виновенъ во многомъ и между прочимъ что онъ *умедлживаетъ отвѣтами* и что его надо предать суду.

Выраженіе Завадовскаго было взято съ польскаго языка, и въ этомъ состояло главное обвиненіе Державина. Uposledzic' значитъ ставить (одного) ниже (другаго), обходить. Что же значило упослѣживать отвѣтами, по выраженію Завадовскаго? Значило ли увертываться въ отвѣтахъ, не отвѣчать прямо на вопросъ? По объясненію самаго Державина, Завадовскій хотѣлъ сказать и ставилъ ему въ вину, что онъ медлилъ отвѣтомъ. Вотъ преступленіе губернатора, въ которомъ сообща обвиняли его всѣ враги, послѣ трехлѣтняго управленія Тамбовской губерніей! Преступленіе, которое довели и до Императрицы, чтобы отдать подъ судъ виновнаго, но Екатерина приняла докладъ Завадовскаго и оставила его у себя безъ конфирмаціи.

Между тѣмъ приблизилась зима, а съ нею дворянскіе выборы. Гудовичъ явился въ Тамбовъ въ ноябрѣ и вокругъ него группировался весь лагерь непріятельскій. Къ стыду Тамбовскаго общества надо сказать, что всѣ были на сторонѣ Гудовича, Ушакова, и Чичерина Державинъ говоритъ, что въ это время даже бывшіе друзья его, изъ мѣстнаго общества, а равно и подчиненные, съ которыми онъ былъ прежде въ тѣсныхъ отношеніяхъ, всѣ отшатнулись, кто изъ выгоды, кто изъ боязни. Весь съѣздъ дворянъ, весь городъ веселились. Балы, маскарады, театры, обѣды и т. д. смѣняли одно другое. Державины мужъ и жена какъ бы не существовали для общества; ихъ ни куда не звали. Гудовичъ самъ даже ни разу не видѣлся съ нимъ. Прошелъ наконецъ слухъ, что губернаторъ отрѣшенъ отъ должности и Державинъ начиналъ самъ вѣрить этому слуху. Въ эту трудную эпоху пребыванія своего въ Тамбовѣ Державинъ былъ глубоко оскорбленъ и огорченъ всѣми *пакостями* (по его выраженію), которыми отвѣтилъ ему Тамбовъ за его хлѣбосольство и честное трехлѣтнее управленіе. Все время ни онъ, ни жена его, не показывались нигдѣ.

Наступило открытіе дворянскаго собранія и выборы. Гудовичъ продолжалъ игнорировать существованіе губер-

натора и не звалъ его. Такъ какъ обыкновенно распоряженія генералъ-губернатора въ этомъ случаѣ шли непосредственно чрезъ губернатора, который сзывалъ дворянъ и руководилъ выборами, то Державинъ наконецъ не выдержалъ и въ день баллотировки явился въ домъ Гудовича, гдѣ уже собрались всѣ дворяне. Гудовичъ былъ окруженъ своимъ лагеремъ. Всѣ враги были на лице. Державинъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— До свѣдѣнія моего дошло, что сей день назначенъ для открытія выборовъ, то неугодно ли будетъ чего мнѣ поручить?

Гудовичъ отвѣчалъ сухо, что онъ всѣ приказанія отдалъ г. предводителю дворянства и что губернаторъ ему ни на что не нуженъ.

Державинъ поклонился, вышелъ вонъ и затѣмъ (вѣроятно разгоряченный всѣмъ случившимся) послалъ Гудовичу рапортъ, въ которомъ объяснилъ, что такъ какъ онъ безъ всякой причины уволенъ отъ исправленія своей должности, то онъ слагаетъ съ себя заранѣе всякую отвѣтственность въ томъ, что можетъ случится непредвиденнаго.

Случится, разумѣется, ни чего не могло и Державинъ этимъ рапортомъ удовлетворялъ только своей потребности, сказать послѣднее слово. Рапортъ этотъ вѣроятно былъ рѣзокъ, ибо Гудовичъ немедленно обратился къ графу Безбородко частнымъ письмомъ съ жалобой, что Державинъ дѣлаетъ новыя затрудненія и „замѣшательство" при дворянскихъ выборахъ и умолялъ Безбородко объ немедленномъ удаленіи губернатора отъ должности.

На этотъ разъ по докладу графа Безбородко, Императрицѣ, вышла Высочайшая конфирмація доклада Завадовскаго и указомъ Правительствующему Сенату, отъ 18 де-

кабря 1788 года, Высочайше повѣлено, отрѣшить Державина отъ должности правителя Тамбовскаго намѣстничества, съ тѣмъ, чтобы онъ, для надлежащаго отвѣта, явился въ Москву, въ 6 Департаментъ Сената, иначе говоря—это была отдача подъ судъ.

Тѣмъ же указомъ былъ назначенъ въ должность Тамбовскаго губернатора, генералъ-поручикъ Звѣревъ. Державинъ былъ глубоко уязвленъ въ своемъ самолюбіи и глубоко огорченъ, потому что увидѣлъ себя совершенно невинно пострадавшимъ.

Проводивъ жену въ Зубриловку къ Голицыной, Гавріилъ Романовичъ немедленно выѣхалъ въ Москву. Въ запискахъ своихъ онъ говоритъ, что пріѣхалъ въ Москву въ Рождественскій постъ, но это не вѣрно.... Отъ 25 декабря есть письмо къ Голицыну, въ которомъ онъ поздравляетъ его со взятіемъ Очакова. Извѣстіе же это онъ получилъ въ Зубриловкѣ отъ курьера, присланнаго Голицынымъ къ женѣ. Наконецъ Сенатскій указъ объ отрѣшеніи и не могъ на столько быстро дойти въ Тамбовъ. Вѣроятно Державинъ выѣхалъ въ Москву не ранѣе 8 января 1789 года. Письмо его къ князю Потемкину, которое онъ, вѣроятно, написалъ вскорѣ по пріѣздѣ и въ которомъ онъ проситъ его заступничества, помѣчено 14 январемъ. Первое же письмо жены его, пѣняющей на то, что онъ еще не извѣстилъ ее объ своемъ пріѣздѣ въ Москву, помѣчено 17 январемъ.

Время это, т. е. декабрь 1788 года и январь 1789, было тяжелымъ для Державина во многихъ отношеніяхъ. Помимо отрѣшенья отъ должности и огорченія видѣть себя безвинно подъ судомъ, у Державина были заботы инаго рода— заботы денежныя. Его краткое пребываніе въ Петрозаводскѣ, гдѣ онъ обзавелся и долженъ былъ вскорѣ все кос-какъ распродать и бросить; его путешествіе въ Тамбовъ, новое хо-

зяйственное обзаведеніе здѣсь; наконецъ самыя празднества и его хлѣбосольство въ Тамбовѣ—все это ввело его въ долги. Во время пребыванія въ Тамбовѣ, онъ по немногу уплачивалъ ихъ. Другъ его Львовъ, знавшій его денежныя дѣла, пишетъ ему однажды по поводу празднества въ честь Гудовича, въ видѣ шутки:

....„По скольку бишь вы за всякій праздникъ своихъ долговъ уплачиваете? Помнится мнѣ, Катерина Яковлевна мнѣ этаго не написала. Только полно, что за праздникъ! Правда, онъ долженъ былъ быть весьма хорошъ, только нельзя-ли, мой другъ, чтобы онъ былъ послѣдній? Или ты на банкъ надѣешся? Отпиши-ко ты мнѣ объ этомъ. Тогда я сдѣлаю праздникъ: *Гаврилинъ покой и Катеринино счастье.*

„Скажи матушка, Катерина Яковлевна, по билетамъ что-ли? Или такъ просто, или какъ инымъ образомъ зовете, ваше превосходительство, боговъ-то къ себѣ въ гости? и намъ бы они были надобны, можетъ быть иной блажной И богатой—долгъ заплатилъ.“

Одинъ изъ крупныхъ долговъ Державина былъ 2.000 р. придворному банкиру Сутерланду. Въ самую пору отъѣзда его изъ Тамбова, Сутерландъ пишетъ ему о немедленной уплатѣ и не смотря на высылку половины этой суммы, требуетъ довольно настойчиво и даже рѣзко, уплаты всего долга. Такъ въ это время, даже кредиторы Державина какъ-бы сговорились съ его служебными врагами.

Итакъ Державинъ былъ въ Москвѣ на первыхъ дняхъ января. По разнымъ неизвѣстнымъ причинамъ дѣло его не докладывалось и тянулось. Онъ сталъ проситься для принесенія жалобы въ Петербургъ; его не пустили и, обѣщая ему завтра и завтра, заставили его прожить до 18 іюня.

Наконецъ, когда онъ настоялъ, чтобы дѣло было доложено, то все кончилось въ одно присутствіе. Воспослѣдовавшее рѣшеніе Державинъ приводитъ въ запискахъ своихъ:

„Хотя казенная палата и самъ генералъ-губернаторъ изобличены въ небреженіи ихъ должностей, а губернаторъ напротивъ того найденъ не виноватымъ; но о нихъ ничего не сказано, а о немъ, – что какъ-де онъ за справки, требованныя имъ изъ губернскаго правленія противъ генералъ-губернатора удаленъ отъ должности, то и быть тому такъ.“

Виноватъ онъ въ чемъ, или не виноватъ?! Въ этомъ рѣшеніи и не упомянуто.

Такъ какъ въ то время копій съ рѣшенія суда подсудимому не выдавали,—Державинъ, собираясь жаловаться въ Петербургѣ, не зналъ, что сказать объ этомъ рѣшеніи и прибѣгнулъ къ вѣчно вѣрному средству—взяткѣ. Давши 2,000 р. одному стряпчему, онъ получилъ тайно копію со всего своего дѣла. За тѣмъ надо было еще упросить, чтобы ему публично объявили въ Сенатѣ, что дѣло его рѣшено и что онъ свободенъ ѣхать, куда хочетъ.

Во время своего суда, живя въ Москвѣ, Державинъ написалъ свою оду – „*На счастіе.*“ Слѣдующія строки были намеками на его положеніе:

...Бывало ты меня къ боярамъ
Въ любовь введешь; беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа.
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мѣщутъ взоры
И жаждутъ слова моего;
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю ни кого....

...А развѣ кое-какъ вельможи,
И такъ и сякъ нахмуря рожи,
Тузятъ инаго иногда....

Въ объясненіяхъ къ своимъ сочиненіямъ, Державинъ говоритъ: „что симъ авторъ показываетъ, что безъ всякой вины, а только по одной привязкѣ вельможъ, былъ онъ удаленъ отъ губернаторства въ Тамбовѣ“

...Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы!

Острота на имя генералъ-губернатора Гудовича.

...Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ;
Не страстны мной, какъ прежде, музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ....

Затѣмъ въ сочиненіяхъ Державина, мы могли найти одно стихотвореніе, положительно относящееся ко времени его отрѣшенія и суда надъ нимъ.

Справка.

Безъ справокъ запрещаетъ
Законъ дѣла рѣшить.
Сенатъ за справки отрѣшаетъ
И отдаетъ судить.
Но какъ же поступать?
Воровать!

Добившись объявленія объ окончаніи дѣла, Державинъ отправился въ Петербургъ, былъ представленъ Императрицѣ, и одинъ изъ вопросовъ Екатерины, приведенный въ запискахъ его, выражалъ собой всеобщее мнѣніе о немъ.

—„Но не имѣете ли вы чего въ нравѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?“ спросила Государыня.

Храповицкій, представлявшій Державина Императрицѣ, 1 августа 1789 г. въ своихъ запискахъ приводитъ слѣдующія слова Государыни:

— Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être trop content de ma conversation.

Послѣ этой аудіенціи вышелъ указъ: Державину выдать неполученное жалованье и впредь выдавать его, до опредѣленія къ мѣсту.

Друзья Державина вздохнули свободно, потому что со времени его удаленія изъ Тамбова, всѣ они были въ трепетномъ ожиданіи: оправдаютъ или осудятъ! А между тѣмъ всѣ они знали въ чемъ состояло преступленіе Державина, или лучше сказать, что оно ни въ чемъ не состояло.

Между тѣмъ въ Тамбовѣ продолжалось все тоже дрязги, ссоры, клевѣты и гоненіе на друзей Державина. Совѣтникъ правленія Филоповъ и комендантъ Булдаковъ, самые близкіе люди къ Державину, были загнаны болѣе всѣхъ и ихъ стращали постоянно отдачей подъ судъ. Въ обществѣ стали, какъ всегда бываетъ, но поздно — отрезвляться и говорить, что прежній губернаторъ былъ честнѣйшій человѣкъ, что его оклеветали; многіе даже нападали на Гудовича за его удаленіе. Тѣмъ болѣе сожалѣли объ Державинѣ, что его преемникъ генералъ поручикъ Звѣревъ не только ничего не дѣлалъ, ни для губерніи, ни для общества, — но былъ во всемъ игрушкою у совѣтника Савостьянова, пріобрѣвшаго великую силу въ Тамбовѣ и дѣлавшаго все по своему произволу. Звѣревъ почти вскорѣ по пріѣздѣ заболѣлъ, даже лишился глаза въ этой болѣзни и по словамъ Филонова въ письмѣ къ Державину, сидѣлъ безвыхо-

дно дома съ какою-то польской панькой и никогда не появляясь въ правленіе, писалъ резолюціи на бумагахъ:

—„Дѣлай такъ, какъ указъ гласитъ! Сдѣлай такъ, какъ законъ повелѣваетъ!“

Ушаковъ, Лаба и Бородинъ не дремали и долго еще послѣ отъѣзда Державина, продолжали ему мстить разными придирками, которыя они выкапывали изъ прошлаго управленія. Такъ наприм. Державинъ, будучи въ Тамбовѣ, закупалъ, по Высочайшему повелѣнію, большія партіи хлѣба (всего до 100,000 кулей) и посылалъ въ Петербургъ; тоже дѣлалъ онъ и для знакомыхъ своихъ. Въ одной такой казенной партіи не хватило 4,000 кулей, которые были однако украдены не въ дорогѣ, а на мѣстѣ при пріемѣ. По запросу въ Тамбовъ, враги Державина съумѣли повернуть дѣло такъ, что онъ сталъ отвѣтчикомъ. Это стоило ему въ Петербургѣ и денегъ и хлопотъ. Гудовичъ не отставалъ отъ другихъ въ выкапываніи всякой мелочи. Такъ однажды, онъ потребовалъ свѣдѣніе:“ объ отпущенномъ въ 1787 году, *по словесному разрѣшенію* губернатора, для свиданія съ родственниками, на 29 дней въ Петербургъ, Тамбовской губернской роты рядовомъ Тимофѣевѣ.“ Очевидно и это понадобилось для какаго нибудь доноса.

Къ несчастію не всѣ Тамбовскіе канцелярскіе крючки были такъ незначительны. Одно дѣло сильно смутило Державина. Матвѣй Бородинъ послалъ жалобу въ Сенатъ, что, по наложеніи ареста на его имущество, во время дѣла объ неправильной отдачи ему откупа, онъ потерпѣлъ убытокъ на 17,000 руб. и просилъ о взысканіи ихъ съ виновныхъ, т. е. съ бывшаго губернатора. Сенатъ, къ удивленію всѣхъ въ Тамбовѣ, знавшихъ обстоятельства дѣла, указалъ взыскать эту сумму съ Державина. Однако дѣло это къ счастію уладилось.

Проживъ въ Москвѣ и Петербургѣ праздно, и безъ мѣста и безъ дѣла, ровно три года, Державинъ былъ наконецъ назначенъ въ декабрѣ 1791 года, статсъ-секретаремъ при Императрицѣ у принятія прошеній. Извѣстно, что при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, Державинъ былъ Министромъ Юстиціи.

Гр. Евгеній Саліасъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе I.

ПРОЛОГЪ

въ одномъ дѣйствіи съ музыкою, на открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища, представленный благороднымъ обществомъ въ день тезоименитства Императрицы Екатерины II, на театрѣ въ домѣ губернатора Державина.

1786 года 24 ноября.

Дѣйствующія лица:

Пустынникъ . . .	Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Геній . . .	Дѣвица Анна Матвѣевна Бибикова
Мельпомена . . .	Дѣвица Марья Григорьевна Орлова
Талія . . .	Дѣвица Марья Демент. Чичерина.
Дѣти . . .	Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Мальчики съ рѣчьми .	Николай Дмитріевичъ Хвощинскій.
	Николай Степановичъ Беклемишевъ
	Александръ Николаевичъ Свѣчинъ
	Борисъ Дмитріевичъ Хвощинскій
	Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
	Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ
	Романъ Өеодоровичъ Фонъ-Мелинъ
	Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
	Александръ Петровичъ Чевелевъ.
Дѣвицы безъ рѣчей .	Надежда Матвѣевна Булдакова.
	Фіона Ивановна Комсина.
	Софья Дмитріевна Хвощинская.

Евпраксія Николаевна Сатина.
Елена Николаевна Охлебинина.
Елизавета Андреевна Алѣева.
Анна Никитишна Салькова.
Елизавета Өеодоровна Макшѣева.
Елизавета Антоновна Аничкова.
Катерина Степановна Беклемишева.

Музыка . . . Первый хоръ г-на Журавченка. Вторый хоръ г-на Раупаха.

Исполненіе . . . Дѣв. Анны Николаевны Свѣчиной.

Музыканты . . . служители Николая Ивановича Свѣчина.

Пѣвчіе. . . . Афанасья Михаиловича Сатина.

Живопись . . . служителей Андрея Михаиловича Нилова и Дѣвицы Катерины Юрьевны Сабуровой.

Изобрѣтеніе декорацій, театральнаго украшенія и платья — г. Барзантія, служащаго машинистомъ въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ.

Явленіе I.

(Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которомъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтръ клонитъ деревья и производитъ трескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣти разнаго состоянія отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячутся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихій. По укращеніи бури выходитъ Пустынникъ, украшенный сѣдинами, съ сѣкирою въ рукахъ).

Пустынникъ (*).

О дикій, темный лѣсъ, (**) но въ дикости прекрасный,

(*) Аллегорическое отношеніе къ Петру Великому.

(**) Этими словами означается здѣсь тогдашнее малообразованное тамбовское общество.

Стихіевъ шумомъ лишь и бурями ужасный!
Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь деревъ!
Но станетъ ли моихъ и вѣка и трудовъ,
Чтобы очистить ихъ? — Ахъ, нѣтъ! конечно нѣтъ!
По крайней мѣрѣ путь я къ свѣту проложу,
Пускай другіе кто за мною идутъ вслѣдъ...
(Рубитъ сучья, которые, упадая, открываютъ просѣкъ)
Теперь довольнымъ я къ покою отхожу;
Исполнилъ я мой долгъ: — дорога къ свѣту есть.

Явленіе II.

(Театръ представляетъ на проложенной пустынникомъ дорогѣ нѣсколько свѣтилъ, но оныя тотчасъ закатываются; восходитъ же выше всѣхъ ихъ солнце (*), которое, остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соотвѣтствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или духъ просвѣщенія, слетаетъ на облакѣ, держа одною рукою учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска.)

Геній.

(Сошедши съ облака, удивляется красотѣ и величеству свѣтила)

Краса вселенныя, утѣха, радость, честь,
Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блисталъ ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣй,
Великолѣпнѣе, отраднѣе, щедрѣй?
Достойно ты того, чтобъ я съ круговъ эѳира
Слетѣлъ и обозрѣлъ величество твое.
Оно божественно! Все чувствіе мое
Несмѣтныхъ благъ твоихъ плѣнено красотою:
Я восхищенъ тобою!

(*) Подъ солнцемъ разумѣется здѣсь Екатерина II.

И если мой небесный, чистый жаръ,
Усердіе и чувства благородны
Тебѣ угодны:
Въ благопріятный даръ
Прими его
Отъ свѣта твоего
Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье,
Я приложу старанье,
И лѣсъ сей просвѣтить готовъ.
(Беретъ изъ облака учебную доску, вѣшаетъ на дерево и возглашаетъ:)
Внимай меня, кто бъ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь и купецъ, и рабъ и благородный! (*)
Послушайте! себѣ желаетъ кто добра.
Дрожайшаго стократъ и злата и сребра,
Котораго ни какъ не похищаютъ воры,
Не подкопаетъ тать: не медля, будьте скоры,
Спѣшите всѣ ко мнѣ богатство пріобрѣсть.
Я чувствовать учу прямую честь.
Я разумъ знаньемъ наполняю;
Просите у меня: все дать я обѣщаю,
Что можетъ честь
Принесть
И сердце воспалить къ поступкамъ благоправнымъ!
Приди, кто хочетъ быть въ лѣсу семъ главнымъ.

Мальчикъ.

(Выскоча изъ пещеры, кричитъ)
Я!

Геній.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ)
Учись начальству быть послушнымъ прежде самъ!

(*) Намекъ на то, что училище было открыто для всѣхъ сословій.

М а л ь ч и к ъ.

Потщуся быть послушнымъ.

Г е н і й.

Кто хочетъ быть почтенъ, имѣть великій санъ?
(Другой мальчикъ выскакивая изъ пещеры, кричитъ:)
Я.

Г е н і й.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ)
Такъ будь великодушнымъ.
Учись быть всѣмъ слугой.

М а л ь ч и к ъ.

Урокъ исполню твой.

Г е н і й.

Кто хочетъ пріобрѣсть себѣ богатство, славу?
(Третій мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ)
Я!

Г е н і й.

Трудись!

М а л ь ч и к ъ.

Послѣдую сему уставу.

Г е н і й.

Кто хочетъ добрымъ быть и честнымъ гражданиномъ,
Любезнѣйшимъ отцомъ, послушнымъ, кроткимъ сыномъ
Супругомъ ласковымъ, сосѣдомъ не сварливымъ,
Судьею справедливымъ,
Единымъ словомъ: кто, кто хочетъ быть счастливымъ?
(Тутъ множество мальчиковъ изъ пещеръ бѣгутъ съ распростертыми руками и кричатъ).
Я! я! я! я!

Г е н і й.

(Пишетъ на доскѣ, и возглашаетъ):
Учитесь и трудитесь!

Мальчики,

(Всѣ вдругъ)

Будемъ!
Твоихъ совѣтовъ не забудемъ.
(Во все сіе явленіе музыка, подобно раздающемуся эху отзывается возглашеніемъ генія и отвѣтами мальчиковъ).

Явленіе III

Талія и Мельпомена.

Мельпомена.

Въ семъ лѣсѣ, гдѣ дика, сурова такъ природа,
Я слышу гласъ народа.—
Учиться здѣсь повелѣваютъ!

Талія.

(Глядя на доску)

И грамотѣ здѣсь знаютъ.

Мельпомена.

Здѣсь пишутъ, кажется, и могутъ мыслить.

Талія.

Не можно ли ихъ намъ, сестра, къ себѣ причислить
И краю здѣшнему услугу показать?
Мы будемъ представлять.

Мельпомена.

И то возможетъ статься.

Талія.

Пойдемъ же попытаться.—
Я вижу впереди учителя съ дѣтьми.
Наука можетъ быть межъ здѣшними людьми
Пріятна и любима.

(Подходитъ къ генію.)

Мельпомена.

Мы странницы пришли изъ Греціи, изъ Римъ.
Насъ тамъ любили всѣ.
Я добродѣтель ободряла.

Талія.

А я порокъ пересмѣхала.

Мельпомена.

(Къ генію)

Дерзаемъ вопросить: здѣсь льзя-ль остаться намъ?

Талія.

И нашъ воздвигнуть храмъ!

Явленіе IV.

(Въ сіе время, какъ геній разговариваетъ съ Музами, дѣти снимаютъ съ дерева учебную доску и уходятъ съ нею въ пещеры).

Геній.

Дражайшія сестры! друзья мои почтенны!
Бывъ должностью моей столь много упражненный,
Я не примѣтилъ васъ. Но васъ ли вижу я?
Облегчена теперь обязанность моя.
Какое счастіе! о странницы любезны!
Вы кстати, кстати здѣсь, пренужны, преполезны;
Вы нынѣ будете мнѣ помощью съ небесъ:
Сей лѣсъ
Былъ множество вѣковъ ужасно помраченнымъ,
Неочищеннымъ,
Подобно хаосу стоялъ,
Стихіемъ бурями стеналъ;
Но нѣкогда, вертепъ сей дикій
Пустынникъ ревностный, могущій и великій

Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ
Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ дивнымъ,
По коей свѣтъ,
Спомоществуемый лучами трехъ планетъ (*)
Боролся съ мракомъ сопротивнымъ;
И лѣсъ
Поднесь
Едва лишь освѣщеннымъ былъ,
Иль только просвѣщеннымъ слылъ;
Но наконецъ сіе великое свѣтило,
Вошедъ на высоту небесъ,
Свой лучезарный блескъ спустило
На этотъ лѣсъ.
Отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Отъ тихихъ до сердитыхъ,
Бѣгутъ толпы угрюмыхъ тучъ;
Въ пещерахъ самыхъ темныхъ,
Въ норахъ, почти совсѣмъ забытыхъ,
Сверкаетъ свѣтозарный лучъ!
Препоны нѣтъ ему нигдѣ,
Вездѣ
Все движется, живетъ, растетъ и расцвѣтаетъ,
Все животворный огнь вкушаетъ, ощущаетъ,
Кремень преображается въ алмазъ, (**)
И испущаетъ все благодаренья гласъ!
Блистаніемъ его и я здѣсь пребываю:
Ему служу,
Разсадникъ свѣта развожу,
Лучи къ простымъ деревьямъ прививаю.—
Ступайте! время вамъ
Здѣсь вашъ воздвигнуть храмъ.
Ступайте! голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ внятенъ,

(*) Трехъ императрицъ: Анны, Елисаветы и Екатерины.

(**) Намекъ на однодворца Захарьина, который въ рѣчи своей назвалъ себя сѣрымъ камнемъ, испущающимъ сильныя искры.

Оберегатель правъ (*) здѣсь вамъ благопріятенъ.
Ты, Мельпомена, намъ доброты возвѣщай
И подвизаться въ нихъ героевъ поощряй;
А ты намъ, Талія, шпынствомъ твоимъ искуснымъ
Пересмѣхай порокъ и дѣлай его гнуснымъ.
Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы;
Вы умягчайте ихъ игрой своей и тономъ,
И просвѣщенію, наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь. Примите у меня
Орудіе свое.
(*Вычимая изъ облака, подаетъ Мельпоменѣ кинжалъ*).

Мельпомена.

Велѣніе твое
Храня,
Я все противное законамъ, правдѣ, чести,
Любви къ отечеству и вѣрности царю,
Все то, что по слѣдамъ пойдетъ коварства, лести,
И возродитъ въ сердцахъ крамолы, бунты, прю,
Не пощадя себя, на жертву принесу;
Иль съ тѣмъ умру, или отечество спасу!

Геній.

(*Вынимаетъ изъ облака маску, подаетъ Таліи*).
Вотъ, Талія, тебѣ личина и твоя.

Талія.

Я знаю, должность въ чемъ моя.
Подъ ней сокрывшись, я какъ будто не нарочно,
Все то, что скаредно и гнусно и порочно,
И такъ и сякъ ни въ комъ никакъ не потерплю.
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю.
Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пустослововъ,

(*) Намѣстникъ.

Хулителей, льстецовъ, язвителей, злослововъ,
Кокетокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,
Безмозглыхъ стихотворцевъ,
Безчестныхъ крючкотворцевъ,
Кащеевъ, гордецовъ,
И пьяницъ и мотовъ,
Господъ немилосердныхъ,
И мудрецовъ безвѣрныхъ
На свѣжу воду я всѣхъ выведу тотчасъ.
Иному въ носъ щелчка, другому иглу въ глазъ
Я смѣло посажу.
Ослины уши я иному присажу,
И добродѣтельныхъ заставлю имъ смѣяться;
Плевать на нихъ, мерзить, освистывать, ругаться;
А буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ;—
Будь баринъ, будь слуга, но будетъ мнѣ любезенъ.

Геній

Не сомнѣваюсь я, нелестные друзья!
Не тщетна кажется надежда въ васъ моя.
Исполня вы свой долгъ, мой подвигъ подкрѣпите,
И лучшимъ образомъ сей лѣсъ вы просвѣтите
Но прежде намъ сего пристойно помянуть,
Кто первый проложилъ въ лѣсу семъ къ свѣту путь
И столь въ немъ расширилъ любезну свѣтозарность.
Намъ должно торжествомъ принесть тѣмъ благодарность.

Явленіе V.

(Лѣсъ исчезаетъ Театръ представляетъ народную площадь, украшенную великолѣпною колоннадою, въ концѣ которой виденъ храмъ просвѣщенія, по сторонамъ коего два

обелиска съ сіяющими медаліонами. Первый обвитый кипарисомъ, показываетъ въ тускломъ свѣтѣ, подобно западнему солнцу, вензеловое имя Петра I. Второй, обвитый лавромъ, въ полуденномъ свѣтѣ, представляетъ вензеловое имя Екатерины II. Хоры пѣвчихъ. Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ сторонъ на площадь и становятся отъ обелисковъ вдоль по колоннадѣ. Геній становится на поставленномъ въ храмѣ тронѣ; Талія и Мельпомена—на ступеняхъ онаго, по правую и по лѣвую сторону.

Г е н і й

(*Обращаясь къ первому обелиску*)
Начнемъ!
И прежде пѣснь тому мы воспоемъ,
Кто въ свѣтъ
Намъ показалъ здѣсь слѣдъ.

Х о р ъ.

(*Тихо, безъ музыки*).
Ко скиптру рожденны руки
Онъ въ трудъ несродный простиралъ:
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
(*По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами обелискъ Петра Великаго*).

Г е н і й

(*Обратясь ко второму обелиску.*)
Теперь мы возгласимъ то славное свѣтило,
Что вящшіе лучи на край сей ниспустило.

Х о р ъ.

(*Громогласно съ музыкою*)

Сіяй, любезная планета,
Пресвѣтлой красотой твоей!
Сіяй, утѣха, радость свѣта,
Для вѣчной славы нашихъ дней!
Сіяй, несмѣтныхъ благъ причина,
Безсмертная Екатерина!
(*По окончаніи хоръ, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами второй обелискъ*).

Талія

Начну я отправлять мою теперь же должность,
И вамъ комедію представлю: *Такъ и должно.*

Приложеніе II.

РѢЧЬ

говоренная 1786 года сентября въ 22 день при открытіи въ Тамбовѣ народнаго училища, 4-го класса учителемъ Василіемъ Роминскимъ.

Преславный сей день, въ который празднуемъ мы высокоторжественное возшествіе на престолъ, Всероссійскія Самодержицы, Великія Монархини нашея—представляетъ мысли нашей великолѣпное зрѣлище совершенствъ, коими душа Ея преукрашенна. Побѣдоносные лавры, украшающіе величественную главу Ея, побѣжденные враги, взирающіе съ трепетомъ и удивленіемъ на храбрость и великодушіе побѣдителя, внутреннее Государства благоустроеніе, законы сообразные правамъ подданныхъ, ободреніе наукъ и художествъ, распространеніе торговли, однимъ словомъ: миръ и благоденствіе пространнѣйшей въ свѣтѣ монархіи, не явно-

ли доказываетъ, что управляется она самою премудростію, правдою и кротостію. Сіи божественныя свойства созерцаемъ мы въ душѣ великія Монархини нашея.

Представте себѣ, П. С. (*) чадолюбивѣйшаго отца, лишающагося для чадъ своихъ собственнаго покоя, пекущагося о благѣ общемъ ихъ, о благѣ каждаго особо, защищающаго ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, усиливающихся похитить оное, и въ тоже самое время обращающаго вниманіе свое на внутреннее дома своего благоустройство; представте и узрите существенный образъ его въ нашей повелительницѣ, узрите въ ней сильную защитницу сыновъ россійскихъ, премудрую обладательницу, чадолюбивѣйшую матерь, матерь отечества. Се нынѣ произростаетъ новая и знаменитая отрасль премудрости и любви Ея, къ отечеству своему; отрасль обѣщающая принесть плоды, съ созрѣніемъ коихъ созрѣетъ и совершится благоденствіе Россіи. Премудрая Монархиня наша, вѣдая пользу и необходимость просвѣщенія народа своего, благоволила чтобы въ сей день, въ который съ торжествомъ взошла она на всероссійскій престолъ, открыты были училищѣ для наученія младого юношества всякаго званія, и тѣмъ содѣлать всерадостный день сей въ потомствѣ нашемъ незабвеннымъ. Не будетъ забвенъ въ потомствѣ нашемъ день сей, не будетъ забвенно и имя великія нашея Монархини, ибо прейдетъ отъ рода въ родъ громкая слава дѣлъ Ея, прейдетъ и провозгласитъ свѣту премудрость Ея. Проникните П. С. завѣсу древности, и зрите, гдѣ блистало просвѣщеніе разума и исправленіе нравовъ, гдѣ рождались добрые градоначальники, и добрые граждане, гдѣ были храбрые защитники отечества и великодушные покровители, гдѣ процвѣтало благоденствіе народа, не тамъ ли, гдѣ процвѣтало ученіе? Въ семъ то состоитъ ученія польза. Представте жь себѣ въ мысли тѣ блаженныя времена, когда засѣваемыя нынѣ наукъ сѣмена,

(*) Просвѣщенные слушатели.

произведутъ сіи драгоцѣнные плоды обществу, въ изобиліи; хотя и нынѣ уже вкушаемъ мы оные; произведутъ и умножать славу Россіи. Сіе не должно ли въ нашемъ сердцѣ возродить любви къ наукамъ, наипаче, когда премудрая наша повелительница, предвидящая и сокрытыя отъ насъ выгоды наши, желаетъ распространить оныя въ своемъ народѣ. Для сего насаждаетъ она благодѣтельною десницею своею во градѣ семъ вертоградъ наукъ въ вѣчный знакъ, матернія своея любви, къ вамъ, о граждане! Вы законолюбители! яко ревностные послѣдователи монаршей воли, благоволите поспѣшествовать размноженію онаго, согрѣвайте его милостію своею, и назирайте дѣланіе онаго.

Отцы! для чадъ вашихъ открыто училище сіе, если желаете счастія имъ въ наукахъ, обрящутъ оное, потщитеся только, дабы дѣти ваши не остались въ меньшемъ просвѣщеніи нежели какое возникаетъ во всемъ отечествѣ нашемъ; симъ докажете, что вы достойны великихъ милостей Монархини нашея. На насъ возложено должное просвѣщеніе, и исправленіе юношества и мы употребимъ всевозможныя силы свои, дабы исполнить монаршее благоволеніе, и удовлетворить ожиданію общества, и ожиданію вашему. А вамъ, младые юноши, остается послѣдовать правиламъ добродѣтели и разума, которыя будутъ здѣсь къ пользѣ вашей предлагаемы; симъ содѣлаетесь отрадою родителямъ вашимъ, полезны себѣ и полезны обществу.

Приложеніе III.

Списокъ

Сколько въ какомъ уѣздномъ городѣ купцовъ и мѣщанъ.

Названіе городовъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ.
Въ Тамбовѣ	102	855
Въ Спасскѣ	21	49
Въ Моршанскѣ. . . .	354	
Въ Елатмѣ	406	
Въ Шацкѣ	82	388
Въ Козловѣ	774	1009
Въ Липецкѣ	195	584
Въ Усмани	83	248
Въ Борисоглѣбскѣ . . .	110	94
Въ Лебедяни	60	438
Въ Темниковѣ	173	1285
Въ Кирсановѣ	25	104
Въ Кадомѣ	67	1334

Приложеніе IV.

Реестръ розданнымъ безъденежно бѣднымъ, проданнымъ и въ остаткѣ находящимся книгамъ, въ главномъ Тамбовскомъ народномъ училищѣ.	Роздано бѣднымъ.	Проданные.	Въ остаткѣ.
Таблицъ азбучныхъ гражданской печати.	36	15	199
Сокращенныхъ катехизисовъ . .	11	20	269
Пространныхъ катехизисовъ . .	3	15	7
Правилъ для учащихся . . .	14	17	469
Руководствъ къ чистописанію . .	18	13	169
Книгъ о должности человѣка . .	3	16	81
Священныхъ исторій	18	24	58
Арифметикъ 1-й части	3	16	81

Приложеніе V.

Записка сколько въ приказѣ тамбовскаго общественнаго призрѣнія вступило въ 1784—1785 и 1786 годѣхъ пенныхъ и штрафныхъ денегъ, а равномѣрно и отъ доброхотнодателей декабря по 12 число 1786 года.

	Къ 1784		Къ 1785		Къ 1786		Итого.	
	Руб.	*К.*	*Руб.*	*Коп.*	*Руб.*	*Коп.*	*Руб.*	*Коп.*
Пенныхъ и штрафныхъ . .	210	95	256	$32^{3}/_{4}$	1510	$14^{1}/_{4}$	1977	42
Отъ доброхотнодателей (*). .	30	—	500	—	20	43	550	$43^{1}/_{2}$
Въ народное училище отъ доброхотнодателей (**).	—	—	—	—	337	—	337	—
Собрано отъ подписавшихся въ книгѣ при открытіи народнаго училища, кои еще въ приходъ не записаны. . .	—	—	—	—	292	—	292 Изъ сихъ денегъ выдано учителямъ подъ росписку въ число жалованья 175 р.	—
Итого. . .	240	95	756	$32^{3}/_{4}$	2159	$57^{1}/_{4}$	3156	$85^{1}/_{2}$

(*) Пожертвованныхъ собственно въ приказъ общественнаго призрѣнія.

(**) Изъ уѣздовъ.

Приложеніе VI.

Списокъ,

кто именно доброхотподатели, при открытіи въ Тамбовѣ народнаго училища, подписались учинить подаяніе въ пользу народныхъ училищъ, въ 22 день сентября 1786 года. (*)

	Рубли.
Дѣйствительный статскій совѣтникъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ	100
Статскій совѣтникъ Василій Чичеринъ	25
Андрей Сабуровъ	25
Афанасій Поповъ	50
Иванъ Постельниковъ	25
Андрей Шиловъ (**)	25
Николай Ахлебининъ	25
Надворный совѣтникъ Дмитрій Чичеринъ	25
Полковникъ Матвѣй Булдаковъ	25
Коллежскій совѣтникъ Федоръ Савостьяновъ	25
Надворный совѣтникъ Антонъ Аничковъ	25
Надворный совѣтникъ Ефимъ Тозлуковъ	25
Князь Иванъ Давыдовъ	10
Коллежскій ассесоръ Матвѣй Бибиковъ	30
Коллежскій ассесоръ Ульянъ Тимофѣевъ	25
Надворный совѣтникъ Петръ Чичеринъ	10
Коллежскій ассесоръ Михаилъ Огаревъ	10
Сергѣй Озноблишинъ	10
Матвѣй Сухотинъ	10
Семенъ Хвощинскій	10
Ермолай Лавровъ	5
Мина Саворской	5
Гаврила...... (***)	5
Василій Усачевъ (****)	5

(*) Списокъ озаглавленъ рукою Державина.

(**) Противъ имени Шилова отмѣтка: *получено 25*. Вѣроятно деньги были отданы при самой подпискѣ.

(***) Не разобранное имя.

(****) Такая же отмѣтка о полученіи денегъ.

Градскій голова Алексѣй Гриднинъ	10
Надворный совѣтникъ Козьма Пыпинъ . . .	5
Петръ Нееловъ	3
Иванъ Смирной	5
Князь Петръ Кугушевъ	5
Іона Матребовъ	3
Яковъ Волженскій.	5
Яковъ Калбанинъ	2
Петръ Барашковъ	1
Дмитрій Тюменевъ (*)	1
Гаврила Мосоловъ.	10
Степанъ Голофеевъ	5
Николай Сатинъ	5
Петръ Лачиновъ	5
Никита Коверинъ	1
Николай Свѣчинъ	5
Иванъ Сабуровъ	5
Яковъ Кора.... (**).	3
Григорій Торбѣевъ	3
Петръ Петровъ (***)	3
Василій Носовъ	5
Иванъ Зубаревъ	10
Александръ Костеревъ	10
Прохоръ Еринъ	1
Василій Сабуровъ	10
Петръ Давыдовъ (****)	2
Алексѣй Власовъ	2
Афанасій Скобелицынъ	2
Матвѣй Бородинъ, купецъ Тамбовскій—*обѣщалъ* (*****)	100
Итого . . .	762

(*) Отмѣтка о полученіи.

(**) Не разобранное имя.

(***) Отмѣтка.

(****) Отмѣтка.

(*****) Слово это перечеркнуто.

Приложеніе VII.

РЕЕСТРЪ

Книгамъ и вещамъ принятымъ въ главное Тмбовское народное училище отъ общественнаго приказа.

	Число вещей.	Цѣна за одну. Коп.	Цѣна за всѣ. Руб.	Цѣна за всѣ. Коп.
Таблицъ азбуки. церковной печати —	250	8	20	
Таблицъ азбуки. гражданской — —	25	8	20	—
Таблицъ для складовъ. церковной печати въ оправѣ — —	1	—	—	90
Таблицъ для складовъ. гражданской — —	1	—	--	90
Таблицъ для складовъ. рукописи — —	1	—	—	90
Сокращенныхъ катихизисовъ. ученическихъ —	300	9	27	—
Сокращенныхъ катихизисовъ. учительскихъ —	25	13	3	25
Пространнаго катихизиса — —	25	32	8	—
Правилъ для учащихся — — —	50	7	35	—
Руководствъ къ чистописанію — —	200	8	16	—
Книгъ о должности человѣка ученическихъ — —	100	37	37	—
Книгъ о должности человѣка учительскихъ — —	25	60	15	—
Священной исторіи — — — —	100	27	27	—
Ариѳметики части 1-й — — —	100	27	27	—
Ариѳметики части 2-й — — —	100	32	32	—
Руководствъ учителямъ — — —	20	35	7	—
Руководствъ: къ физикѣ — — —	20	40	8	—
Руководствъ: къ механикѣ — —	20	45	9	—
Руководствъ: къ геометріи — —	20	50	10	—
Естественной исторіи — 1-й части — — —	20	50	10	—
Естественной исторіи — 2-й части — — —	20	50	10	—
Прописей въ оправѣ — — —	2	2 р. 10 к.	4	20
Прописей безъ оправы — — —	18	60	10	80
Карта россійской имперіи — —	1	—	1	85
Картъ четырехъ частей свѣта съ плоскошаріемъ — — — —	5	—	8	50
Геометрическихъ тѣлъ 15 штукъ —	15		. . .	. . (*)
Изъясненій Евангелія — — —	50	47	23	50
Камера Обскура совсѣмъ принадлежащимъ къ ней приборомъ —	1	—	11	9
Готовальня со всѣмъ приборомъ —	1	—	5	—

(*) Цѣны не выставлены.

Приложеніе VIII.

Записка

Сколько потребно суммы на содержаніе одного главнаго, въ губернскомъ городѣ Тамбовѣ и одиннадцати малыхъ училищъ, въ уѣздныхъ городахъ: Шацкѣ, Козловѣ, Лебедяни, Моршанскѣ, Спасскѣ, Темниковѣ, Елатьмѣ, Кирсановѣ, Борисоглѣбскѣ, Усмани и Липецкѣ и сколько на сіе доходу и какого именно получить предполагается.

Сколько по штату положено.	*Руб.*	Сколько какого доходу предполагается.	*Руб.*	*Коп.*
Для главнаго училища на жалованье:				
Директору . .	500	Въ казенной палатѣ отчислено съ 1785 по 1787 годъ со изданія городового положенія, на основаніи онаго 147 ст. съ прибыльной питейной суммы по одному проценту съ рубля . .	2116	15¾
Учителямъ:				
Двумъ высшихъ классовъ по 400 руб .	800			
Одному второкласному . . .	200			
Одному первокласному . . .	150	Собрано нынѣ отъ доброхотподателей для училищъ . .	629	—
Одному иностранному сосѣдственнаго языка . . .	300			
За рисованье . .	150	Въ приказѣ общественнаго призрѣнія имѣется штрафныхъ за корчемство и пенныхъ . .	1977	42
На содержаніе училищнаго дома; на дрова, свѣчи, на плату сторожамъ, на книги учебныя; умноженіе библіотеки и кабинетовъ . .	900	Отъ доброхотподателей изъ усердія для приказа . .	550	43½
Итого на главное училище. .	3000	Итого въ наличности.	5273	¼

(Продолженіе)

Для малыхъ училищъ гдѣ два класса раздѣлены.		Послику въ годъ прибыльной питейной суммы казенная палата полагаетъ 3 0, 438 руб. 92¼ коп. то по одному проценту съ оной можетъ быть доходу въ пользу училищъ.	3104	38
Учителямъ:				
Одному второкласному . . .	150			
Одному первокласному . . .	120			
За рисованье . .	60			
На содержаніе училищнаго дома . .	170			
Итого	500			
А на одиннадцать малыхъ училищъ .	5500			
А съ главнымъ. .	8500			
А гдѣ оба класса соединены:				
Одному учителю .	150			
За рисованье . .	60			
На содержаніе дома, на книги и прочее.	170			
Итого	380			
А на одиннадцать малыхъ училищъ .	4180			
А съ главнымъ.	7180			

Эта записка проэктирована до открытія главнаго училища.

Приложеніе IX.

Записка

Сколько казенная палата полагаетъ въ каждомъ городѣ въ годъ доходу съ питейной прибыльной суммы по одному проценту въ пользу училищъ; 1-е съ изданія городоваго положенія съ 1785 по 1787 годъ. 2-е съ 1787 года по положенпй пропорціи вина.

	Съ изданія городоваго положенія по 1787 годъ.		Съ 1787 года.		Сколько недостаетъ противъ штатнаго положенія. Гдѣ классы раздѣлены.		Сколько недостаетъ противъ штатнаго положенія. Гдѣ классы соединены.	
	Руб.	*Коп.*	*Руб.*	*Коп.*	*Руб.*	*Коп.*	*Руб.*	*Коп.*
					для г	лавн	аго	
Въ Тамбовѣ .	523	87 1/4	573	60 3/4	24 6	39 1/4	2426	39 1/4
					для м	алых	ъ	
— Спасскѣ .	55	44 1/2	150	11 3/4	249	88 1/4	229	88 1/4
— Моршанскѣ .	215	8 3/4	346	58 1/4	153	41 1/4	33	41 3/4
— Кирсановѣ .	145	55	227	29 1/4	272	70 3/4	152	70 3/4
— Кадомѣ .	93	37 1/2	н е	п о	л а	г а	е т	с я
— Борисоглѣб .	59	91	287	14 1/4	212	85 3/4	92	85 3/4
— Козловѣ .	347	21 1/2	483	32	16	68	**103**	**32**
							оста	*лось*
— Темниковѣ .	123	81 3/4	178	41 1/2	321	58 1/2	201	58 1/2
— Липецкѣ .	119	5 3/4	216	81 1/2	283	18 1/2	163	18 1/2
— Лебедяни .	201	33 1/2	310	84 3/4	189	15 1/4	69	15 1/4
— Елатьмѣ .	96	89	190	70 3/4	309	29 1/4	189	29 1/4
— Шацкѣ .	83	48 1/4	250	31	249	69	129	69
— Усмани .	50	64 1/2	259	91	240	9	120	9
Итого . .	2116	15 3/4	3475	6 3/4	5024	93 1/4	3808	25 1/4
А если безъ главнаго училища полагать на одни малые, оставляя доходъ что въ Тамбовѣ на главное, то выходитъ .	1592	28 1/2	2901	16	2598	54	138[illegible]	86

Приложеніе X.

Выписано изъ репортовъ гдѣ какіе домы найдены для училищъ		
Въ которыхъ городахъ.	Чьи домы.	
Въ Шацкѣ . .	Купца Демида Милованова описной съ флигелями, деревянной.	Способной.
Въ Козловѣ . .	Домъ готовъ.	
Въ Лебедяни . .	Секретаря Андрея Бородкина, описной за недоимку.	
Въ Моршанскѣ .	Очищенъ отъ купечества.	
Въ Елатьмѣ . .	Въ выстроенномъ для присутственныхъ мѣстъ.	
Въ Усмани . .	Помѣщика адьютанта Федора Селиверстова.	
Въ Борисоглѣбскѣ .	Куп. Дмитрія Котельникова.	
Въ Липецкѣ . .	Купца Антона Расторгуева.	
Въ Кирсановѣ .	Господина Сабурова.	

Приложеніе XI.

ЖЕЛАНІЕ ЗИМЫ. (*)

Его милости разжалованному отставному сержанту, дворянской думы копіисту, архиваріусу безъ архива, управителю безъ имѣнія и стихотворцу безъ вкуса.

На кабакѣ, Борея
Эолъ ударилъ въ нюни (**)
Отъ вяхи (***) той блѣднѣя
Борей вино и слюни
Изъ глотки источилъ
Всю землю замочилъ.

И зря ту Осень шутку,
Ихъ въ правду драться нудитъ,
Даетъ вина по кубку
И дождь рѣками прудитъ,
Плеща имъ въ рожи грязь,
Какъ дуракамъ смѣясь.

(*) Державинъ объясняетъ: Въ шутку надъ нимъ (*Захарьинымъ*) написана сія площадная пьеса.
(**) Губы.
(***) Случай.

Въ убранствѣ козырбацкомъ (*)
Со ямщикомъ—пахаломъ,
На иноходцѣ хватскомъ,
Подъ бѣлымъ покрываломъ,
Бореева кума—
Катитъ въ саняхъ Зима.

Кати, кума драгая,
Въ шубеночкѣ атласной,
Чтобъ Осень, баба злая,
На Астраханскій Красный (**)
Не шлендала кабакъ
И не кутила дракъ.

Кати къ намъ, бѣлолика,
Кати Зима младая,
И, льстя сѣдого трыка (***)
И страсть къ нему являя,
Эола усмири,
Съ Бореемъ помири.

Спѣши, и нашу музу,
Кабацкую пѣвицу,
Наполнь хмѣльнаго грузу,
Наладь ея скрипицу!
Строй пуншъ твоей рукой,
Захарьинъ! пей и пой.

Пой, только не стихеры,
И будь лишь въ стойкѣ (****) дивенъ,
На разныя манеры
Ори: *ширень да вирснь,*
Да листъ, братцы, трава...
О пьяна голова!

(*) Франтовскомъ

(**) На Астраханскомъ трактѣ т. е. по Борисоглѣбской дорогѣ, версты за двѣ отъ города и теперь много кабаковъ.

(***) Перегородка въ кабакѣ.

